

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ ★

# СПЕЦНАЗ



УМРИ  
В ОДИНОЧКУ

Сергей САМАРОВ



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

**Умри в одиночку**

«Автор»

2009

## **Самаров С. В.**

Умри в одиночку / С. В. Самаров — «Автор», 2009 — (Спецназ ГРУ)

Группа спецназовцев ГРУ во главе с капитаном Матроскиным получает задание уничтожить ближайшего сподвижника Шамиля Басаева по кличке Медведь, который снова объявился в Чечне. Разведка донесла, что Медведь сотрудничает с американским полковником Доком Доусоном, и они замышляют провести какую-то террористическую акцию. Также известно, что боевики транспортируют баллоны с преператом, вызывающим необузданную ярость у собак. Стоит пометить жертву – и псов не остановить, разорвут ее в клочья. Это единственная зацепка спецназовцев, но с какой целью международным террористам потребовалось столь необычное и редкое вещество – пока загадка, разгадать которую нужно без промедления...

## Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава первая	11
1	11
2	17
Глава вторая	26
1	26
2	33
Глава третья	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# Сергей Самаров

## Умри в одиночку

### Пролог

Операция была организована до гениальности глупо. Полёт бабочки, внешне бездумный, бывает обычно более целесообразным. По сути дела, она была вообще не организована. Просто решили местные менты очередной героизм проявить и хоть какие-то награды заработать, которые заработать раньше, когда стреляли чаще и в открытую, не сумели каждый по собственным причинам, а тут собрались и поехали. Рассчитывали лёгкое развлечение себе устроить... А виной всему было сообщение вечно пьяного сельского стукача, что одна из жительниц их большого села, Айбат Абдулкеримова, у которой брат до сих пор в бандитах ходит, регулярно стала покупать в магазине продуктов гораздо больше, чем могла съесть сама вместе со своими двумя детьми. Женщина – вдова, бедная, живущая, по сути дела, только за счёт поддержки родственников мужа, жалеющих не её, а её детей, потому что к ней самой относились в селе все плохо. А тут доллары в магазине у продавца на рубли меняла. Говорит, от покойного мужа остались. И много, кажется, осталось... Почему раньше она их тратить не начала, непонятно, почему раньше по родственникам побиралась – об этом задумывались многие, и в первую очередь Гапур, продавец магазина, который своими подозрениями с каждым желал поделиться. Стукач информацию схватил на лету и отправил куда следо-вало...

Менты в райотделе пили водку из заварочного чайника и информацию восприняли с соответствующим рвением. Посчитали, что женщина вполне может прятать отдыхающего зимой от летних хлопот брата, и решили с самыми серьёзными намерениями наведаться. Прихватили автоматы, для безопасности и бронежилеты навесили на плечи, на которые следовало бы и головы поумнее или хотя бы потрезвее пристроить. Они даже не посмотрели в картотеке, что это за брат, как его зовут, к чему имеет причастность... Просто – если есть боевик, то надо его брать без раздумий и без подготовки, пока другие не влезли и не получили за задержание награды, которых на всех, естественно, не хватит, и потому решили, что время терять не следует...

Поехали втроём, предупредив мимоходом только дежурного по управлению. На личной машине... Даже местных омовцев с собой не взяли. Не пожелали делиться славой, если что-то удачное получится, и не пожелали быть осмеянными, если не получится. Слава ведь, как водка, такое свойство имеет – чем больше желающих глоточек её получить, тем меньше каждому достаётся...

Дежурный тоже благополучно проспал ночь на рабочем диване и только к утру хватился, что троица не вернулась из поездки. Но сразу он и не подумал, будто что-то экстраординарное случилось. Тревожного сигнала не поступало, а данные стукачей частенько ложными бывают, а у водки запах крепкий, в нос дежурному бил сильно, и естественным было предположить, что водка сыграла свою роль, стала снотворным средством. Сотрудники могли после поездки просто по домам разъехаться и сразу спать завалиться. И потому о ночной командировке троих сотрудников райотдела не было сказано даже слова при передаче дежурной смены.

Тревожный, или даже только чуть-чуть тревожный, сигнал поступил уже во время вхождения в дела следующего дежурного, только что заступившего на пост и ещё позёвывающего, потому что утром пришлось вставать на полчаса раньше обычного, чтобы успеть побриться, то есть выполнить процедуру, для дежурного обязательную, но совсем не обязательную в простые рабочие будни. Дежурный данные принял...

Рядом с дорогой обнаружена разбитая легковая машина. Людей возле неё нет. Наверное, кто-то уснул в пути, машину разбил и бросил её на дороге, а сам решил на перекладных добираться. Обычное дело, особенно если машина в угоне числится и легализовывать её не хочется. Дешевле обойдётся такую же купить, чем разбитую ремонтировать. Но всё же дежурный позвонил в районную ГИБДД, чтобы они выслали на место происшествия машину ДПС.

Только через два часа позвонили из ГИБДД. С патрульной машины пришло сообщение о разбитой легковушке. Передали номер, по номеру в инспекции определили, что машина принадлежит сотруднику райотдела внутренних дел. Потому и сообщили туда... И ещё – в дверце были обнаружены следы от пуль... А это уже могло быть серьёзным признаком преступления. И только тогда дежурный по райотделу, почесав коротко стриженный затылок, поставил в известность начальника и выслал на место наряд. Одновременно поручил одному из стажёров отыскать владельца машины. Стажёр вернулся быстро. Оказалось, владелец не вернулся со службы ещё вчера вечером. Но поскольку такие явления не были чем-то из ряда вон, то жена и не подняла никакого переполоха. Мало ли, и служба такая, и времена такие, что никогда не знаешь, в какое время муж домой вернётся. Бывало, и по несколько суток не знала, где он находится, – район-то большой, а дороги плохие...

Тела трёх убитых ментов нашли уже после обеда в недалёком лесочке, прилегающем к той самой дороге, только в двадцати километрах от места обнаружения машины. Местный житель, отправившись по какой-то надобности в лес, пошёл на яростный лай своей собаки и нарвался на спрятанные в кустах тела. Если бы не это, то искать пришлось бы ещё долго...

Стали выяснять обстоятельства. Разбудили дежурного с прошлых суток. Тот сообщил, куда выехала троица и по какому вопросу. Правда, смягчил всё, насколько мог. Просто – поехали на проверку сигнала. Если бы троица выехала на задержание, то он сам обязан был бы проследить за комплектованием группы и занести данные в журнал. А он не сделал ни того, ни другого и потому задним числом вынужден был превращать сообщение в невнятный сигнал, который стоило только проверить, и не более.

Впрочем, это уже мало кого интересовало. Подняли картотеку, стали проверять и ахнули. Брат вдовы – известный террорист Берсанака Гайрбеков, по кличке Медведь, один из немногих оставшихся в живых ближайших сподвижников Шамиля Басаева, много лет находящийся в международном розыске и считающийся давно покинувшим пределы России. Весть о том, что в селе, возможно, находился сам Берсанака, быстро облетела все спецслужбы района, и сразу же была отослана докладная записка в Грозный. По тревоге были подняты не только менты, но и части, подчинённые непосредственно ФСБ, и даже попросили подготовиться к возможной операции отдельный отряд спецназа ГРУ, расквартированный в соседнем районе, и пригнали в помощь ментам целую группу «краповых»...

Айбат Абдулкеримову, естественно, сразу же задержали, поскольку с двумя малолетними детьми бежать ей было не только трудно, но и просто некуда. Она была напугана, понятно, и не столько за себя, сколько за судьбу детей. Если её посадят, как сразу пообещали, за укрывательство брата, то позаботиться о детях будет некому. Доверять их родственникам Айбат не желала, потому как понимала, что такое воспитание без матери в чужом доме. Её детей просто могли в рабов превратить, что случалось сплошь и рядом...

На допросе в районном отделе ФСБ она сразу начала давать откровенные показания, надеясь, что это зачтётся ей и при следствии, и при рассмотрении дела в суде, если дело до суда следователи допустят. Послабление за откровения вдове тоже пообещали твёрдо. Таким образом, она рассказала, что уже в течение месяца в подвале её дома жил старший брат Берсанака с тремя друзьями, один из которых не говорил ни по-чеченски, ни даже по-русски, хотя выглядел как русский или, может быть, как европеец и носил имя Док. Другого, старшего, звали Гойтемир, и он был мрачным и неразговорчивым. Таким мрачным, что Айбат побаивалась встречаться с ним взглядом. Нехороший какой-то взгляд был, тяжело придавливающий и

словно по стене размазывающий... Самого молодого звали Микаил, он был очень трусливым и вздрагивал от каждого звука на улице. Этот, хотя по-чеченски говорил чисто, кажется, тоже был не чеченец или, по крайней мере, не чистый чеченец. Фамилии друзей Берсанаки Айбат не знала, но была твёрдо уверена, что они не из этого села и не из её родного села, где стоит до сих пор пустым родительский дом, по закону принадлежащий Берсанаке. Но ни он сам, ни его семья там не живут. Семья Берсанаки, кажется, то ли в Турции, то ли в Грузии обосновалась и живёт там хорошо, имеет трёх-этажный особняк, постоянно охраняемый подчинёнными хозяина. Но брат с семьёй времени проводил мало. У сестры бывал чаще. И прошлую зиму два месяца здесь жил, и в нынешнюю приехал... Обещал, что только до весны, пока снег в лесах не сойдёт и можно будет ходить, следов не оставляя...

Отказать брату в убежище Айбат никак не могла, потому что брат её воспитывал в семье, рано потерявшей отца, а потом и мать. Берсанака был сначала только вместо отца, потом и вместо матери и заботился о младших братьях и сёстрах как настоящий, добрый, хотя и строгий родитель. Не пустить в дом родного брата – это то же самое, что родного отца, старого и больного, из дома на улицу выгнать. Так считала Айбат и думала, что это её оправдывает.

По именам, что она называла, «прозвонили» все картотеки всех силовых ведомств. Нашлось несколько Гойтемиров и Микаилов, которые могли иметь связь с Берсанакой. Несколько человек даже по возрасту подходили, и все они находились в розыске. Правда, по некоторым из них были косвенные данные о гибели, но косвенные данные не являются доказательством, и гибель без доказательств считается неустановленной. Следовательно, розыск не прекращается, хотя теряет интенсивность, которой чаще, говоря по правде, и не было никогда... Особую заинтересованность вызвало имя Док. Док, не говорящий ни по-чеченски, ни по-русски, с европейской внешностью – это было уже очень интересно для ФСБ...

Дело грозило перерасти в серьёзное...

И только после этого началась настоящая операция...

Но, поскольку операция, благодаря бездумной спешке местных ментов, не могла уже быть неожиданной, результата она не дала... Прочёсывали леса и подвалы жилых домов в окрестных сёлах. Всё было бесполезно...

След потерялся...

\* \* \*

Подполковник спецназа ГРУ Александр Алексеевич Стропилин, обычно не болеющий никакими распространёнными болячками просто из принципа, в этот раз чувствовал себя неважно. Четыре месяца назад ему делали операцию, извлекали пулю из лёгкого, и сейчас то ли простуда подполковника где-то застала, то ли осложнение какое-то началось, но он сильно и подолгу кашлял и за грудь при этом держался, словно пытался вырывающуюся боль назад в грудь вдавить. Заметно было, что от такого давления ему кашлялось легче. По крайней мере мог усилием воли кашель остановить и даже прокашляться...

– Я собирался, признаюсь, возглавить нашу операцию лично, но представил, насколько хорош буду в засаде, когда в самый критический момент с удовольствием раскашляюсь... – сказал Александр Алексеевич с лёгким горьким смешком в голосе. Он умел оценивать и чужое функциональное состояние, и своё с одинаковой критичностью, и потому был всегда объективен. – А вне засады мне на месте делать тоже нечего. Не только вы, но и я знаю, как в деле мешают лишние указания... Но я продолжу по существу... Поскольку простое прочёсывание местности проводилось достаточно большими силами и ничего не дало, как и проверки во всех близлежащих населённых пунктах, первоначальную операцию решено было перевести в вялотекущую фазу, включающую в себя демонстративный вывод основных сил и осуществление поиска с помощью частых неожиданных появлений отдельных подразделений и дополнитель-

ных проверок паспортного режима. Так бы всё и закончилось как всегда, если бы не неожиданная находка трупа в районе, где вам предстоит действовать. И экспертиза, и Айбат Абдулкеримова опознали в убитом Микаила Чочиева, не особо известного боевика, даже не чистого чеченца по национальности, но носителя многих кровей северокавказских народов и потому имеющего много родственников в разных республиках Северного Кавказа. Чочиева использовали многие полевые командиры именно как человека, у которого много родственников и дружеских связей, и вообще как червяка, который мог отыскать дыру, влезть в любую компанию и показаться там своим человеком. Налаживание связей было его основной профессией. Микаил Чочиев убит выстрелом в упор – в затылок, даже волосы подгорели... Значит, это не выстрел со стороны... Свои, скорее всего, расстреливали... Пулю извлекли... Пистолет Стечкина... Ствол по ментовской трасологической картотеке не идентифицирован. Итак, повторяю, мы можем предположить, что его убрали свои по каким-то неизвестным нам причинам. Но место, где обнаружен труп, несомненно имеет какое-то отношение к трём остальным разыскиваемым лицам. Нам ставится задача конкретная – в составе мелких незаметных мобильных групп, с привлечением всей возможной агентуры из числа местного населения проверить весь участок. Если у Медведя есть там берлога, он всё равно должен периодически высовывать нос наружу, общаться с кем-то, получать продукты, чтобы не дойти до бессильной дистрофии, и информацию, чтобы не попасть к нам в руки просто по глупому незнанию ситуации... Вполне вероятно, что он имеет целую сеть информаторов, и тогда нам будет проще эту цепь ухватить. Существует, конечно, вариант, при котором он намертво осел на базе с запасом продуктов, то есть в зимнюю спячку впал, как медведю и положено, но в любом случае он должен разводить огонь, чтобы что-то приготовить или элементарно не замёрзнуть... По ночам где-то должен быть дым... На этот случай на группу выделяется тепловизор... Прицел снайперской винтовки с тепловизором... Короче, будем проводить скрытный контроль достаточно большого участка, хотя весь участок, понятно, контролировать не надо, надо только выделить приоритетные направления...

Перед письменным столом подполковника стояло трое офицеров, которые во главе своих солдат и должны были стать основной ударной силой в новом цикле операции. Они уже получили в штабе подробные инструкции, но Стропилин, как обычно, предпочитал провести ещё и личный инструктаж. Снова с силой нажав ладонью на грудь, опять вдавливая туда рвущийся наружу кашель, подполковник, на сей раз так и не раскашлявшись, продолжил:

– Медведь – зверь серьёзный, даже если его иногда называют в дополнение к прозвищу Берсанакой Гайрбековым. В цирке медведь традиционно считается более опасным зверем, чем тигры или львы, потому что те хотя бы предупреждают о нападении рычанием. Медведь нападает молча и всегда неожиданно. И Берсанака такой же... И терпением он отличается по-настоящему звериным. Если его начинают всерьёз загонять, он умеет не отвечать, но молча ложится в свою берлогу, и поисковики могут прямо по его спине пройти, он даже не пошевелится, чтобы себя не выдать... А потом внезапно ударить в спину... Думается мне, что Микаил Чочиев этого напряжённого ожидания не вытерпел и за это поплатился жизнью. Не у каждого терпение есть... Тем более Айбат Абдулкеримова в своих показаниях прямо указывала, что Микаил всего боялся и вздрагивал от каждого звука с улицы. Это, наверное, по мнению Медведя, была уважительная причина для отстрела... Профилактика... Берсанака не пожелал терпеть рядом с собой такого, не мог на него положиться... Такой всегда может подвести, а если попадётся, то язык за зубами держать не будет... Но вас должен интересовать не сам Берсанака. Вернее, Берсанака первым в очереди стоит, но это очередь на уничтожение... Мало кого интересует его жизнь. Так же, скорее всего, и второй его сподвижник, Гойтемир, фамилию которого мы с вами не знаем, но окружение Берсанаки едва ли может быть лучшим, нежели он сам. Этот, думаю, тоже нам не нужен, если не откроется внезапно что-то новое... Следовательно, подлежит уничтожению вслед за своим эмиром... Вопрос в последнем и, на мой взгляд, самом важ-



ном... В человеке, которого зовут Док... Возможно, это доктор по профессии, возможно, это имя... Но, почти наверняка американец или англичанин... У них это и имя распространённое, и прозвище... Причём не обязательно только врачей... Докторскую степень получают многие и в разных областях... Это следующая за бакалавром учёная степень... Однако иностранец среди бандитов – это нас должно интересовать особо как военную разведку, поскольку просто так, без веских на то оснований, с такими отморожками, как Гайрбеков, никто связываться не будет... Военной разведке приходится тоже порой работать как контрразведка, и лучше будет, если мы до Дока доберёмся раньше настоящей контрразведки... Об этом нас даже просили особо сверху... Наше командование... Дока необходимо брать живым и не вызывать при этом консула государства, которого он может потребовать вызвать... Если будет возможность, следует выяснить и цель его поездки сюда... Сами знаете, что такое допрос «по-горячему»... Не будет возможности, и ладно – без нас узнают, но задержание афишировать категорически не рекомендуется... Я доступно объясняю?

– Доступно, товарищ подполковник, – за всех ответил командир отдельного отряда спецназа ГРУ огненно-рыжий капитан Матроскин, который уверял, что со своей фамилией мечтал служить во флоте, но его туда не взяли – рыжие люди считаются на кораблях признаком несчастья. Матроскин всегда отличался энергичностью и предпочитал больше работать, чем разговаривать, хотя это не мешало ему задавать вопросы, если требовалось. Сейчас, очевидно, не требовалось. – Согласно разработкам оперативного отдела штаба бригады, мы делимся на три группы и контролируем три основных направления наиболее вероятного обнаружения противника. И будем действовать на месте исходя из обстановки...

– Не спугните... Впрочем, вы хорошо знаете положение на месте... Вы здесь, кажется, уже на пузе всё облазили...

– Не впервой, товарищ подполковник, нам в такое дело ввязываться... Пузо у нас мозолистое, не отвислое и за камни не цепляется... – капитан вполне здраво и без хвастовства оценивал свои возможности и возможности своих подчинённых.

– И ещё одно учтите... Медведь, поднятый с берлоги, обычно называется шатуном... Он особо опасен для всех: и для своих, в чём уже убедился Микаил Чочиев, и для чужих, в чём могли убедиться самонадеянные менты... Он очень яростен, всегда голоден и абсолютно беспощаден... Конечно, не вас об этом предупредить...

– Конечно, товарищ подполковник... – то ли согласился, то ли просто перебил своего командира капитан Матроскин. – Пусть Медведь нас боится, так будет лучше...

– И правильно... Пусть боится... А лучше будет, если он не будет бояться лишь потому, что не будет знать о вашем присутствии рядом. Это надёжнее и...

Подполковник ещё раз закашлялся, теперь надолго и основательно.

– Вам к врачу надо, товарищ подполковник, – сказал командир взвода лейтенант Черкашин.

– Я ещё жить хочу, – покраснев от натуги, сквозь кашель отмахнулся Александр Алексеевич. – К врачам попадёшь, если жив останешься, то инвалидом, а мне это ни к чему... Я сам здоровее, чем был, стану... Итак, это надёжнее и даёт нам больше шансов... Я про то, чтобы в глаза не бросаться... Никому...

– Понятно... Мы себя афишировать не любим... – кивнул Матроскин.

– И правильно, капитан... Гордыня – один из смертных грехов... И в работе мешает... Выбрасываем вас одновременно с трёх направлений, предельно далеко друг от друга, чтобы не была заметна со стороны акция по десантированию. Идёте на сближение друг с другом самостоятельно, режим связи открытый для всех трёх групп, услышите один другого, как только сблизитесь... По пути собираете все данные, которые могут вызвать подозрение или недоумение. Маршрут для прохождения несложный – это не горы, это только лесистые предгорья, поэтому в пути никаких эксцессов и задержек планом не предусмотрено. Имейте в виду, если задержка

возникнет, ликвидируете отставание за счёт личного графика или как-то ещё, как вам будет удобно. Но входите в район строго по расписанию... Рация для связи со штабом всего одна, сеансы связи ограничены. Кто опоздает в район до первого сеанса, считается не прибывшим к месту... Всё ясно? Повторять не надо?

– Понятно, товарищ подполковник...

– Жалко, что не могу с вами пойти... Я с Медведем в первую чеченскую кампанию встречался. Сдуру поверил тогда в его честность и отпустил...

– Слово держать не умеет? – переспросил капитан Матроскин.

– Не умеет... Хотя мне и говорили, что его тогда так подставили, что выбора не было, но это сути не меняет. Обещал – выполняй, если ты человек мужского слова...

– При встрече, товарищ подполковник, я предъявлю ему ваши претензии...

– Можешь не предъявлять... Мне это уже не интересно. Если он значится в списке на уничтожение, значит, его следует не задерживать, чтобы претензии предъявлять, а уничтожать...

\* \* \*

#### *Сообщение в сети Интернет*

«Дворовые собаки буквально растерзали припаркованную на одной из столичных стоянок иномарку.

В московскую службу о происшествии сообщил обескураженный сторож парковки на Бакунинской улице. Растерянный охранник пояснил, что на его глазах дворовые собаки напали на автомобиль.

– Они вдруг как с цепи сорвались! Начали кидаться на «Опель», который был на стоянке, – рассказал 34-летний Олег С. – Отогнать их самостоятельно я не смог. Их была целая стая!

Собаки буквально изуродовали иномарку. Псы поцарапали капот автомобиля, погрызли бампер и оторвали нижнюю защиту, после чего разорвали колеса».

## Часть I

### Глава первая

#### 1

– У нас в деревне, помню, мужики как-то, блин, до синих соплей нахрюпались и покатали в соседнее село на таком же вот тракторе-«пукалке»... За самогонкой... – рассказывал командир отделения младший сержант Мишка Игумнов. – Трактор-то маленький, обычно двое в кабине нормально не помещаются, а тут восемь человек влезло, и с гармошкой... Едут с музыкой, поют, глотки у всех после питья тренированные стали – трактор ни хрена не слышно... У нас там места такие... Обычно ментов можно неделю вызывать – бесполезно... А тут по закону, блин, вредности на ментов уж обязательно нарвались, и всех за шкварник и в райотдел вместе с трактором... Мужиков в обезьянник, трактор во двор под забор... Утром менты, любопытные заразы, спрашивают, как восемь человек в кабину поместилось, да ещё с гармошкой... Мужики плечами пожимают, плохо помнят... Им предлагают, ну-ка, попробуйте поместитесь, всех тогда, говорят, без протокола пинком под зад – направлением домой... Стали пробовать, и так, и сяк – ну никак, блин, восемь человек не влезло... Даже без гармошки... Так вот, блин, у тракториста права и отобрали...

Громко во всём отделении никто не смеялся, хотя внизу ещё более громко работал двигатель небольшого колёсного трактора, так называемой «пукалки», и заглушил бы любой смех. Тем более смех с расстояния в пятьдесят с лишним метров.

– Да зачем вам в деревне трактора-то нужны? – невинно спросил рядовой контрактной службы Сашка Венчиков. – Моя нет, чтобы понимает, как говорил недавно один пленный бандюган...

Сашка хитрый и въедливый, всегда с подколом спрашивает и даже речь свою ставит так, словно левой ногой правое ухо чешет. А простоватый и добродушный Мишка обычно на любые подколы попадаетеся и Сашку в ответ никогда не подкалывает, хотя во взводе все знают, что, если Сашку тоже кто-то начинает подкалывать, тот замыкается и теряется, чувствует обиду и словно бы унижение. И надолго замолкает. И того, кто ему ответил на его же манер, больше никогда подкалывать не будет. Но Мишка для таких тонкостей в отношениях слишком прост.

– Как это – зачем? Ты с какой колокольни вчера дербалызнулся? Деревня же, блин... Там, кроме трактора, почитай, ничего и не нужно...

– Да ты один десять тракторов заменишь... Ездили бы уж сразу на тебе... Дешевле обойдётся... Заправили до кадыка самогонкой, и вперёд... А ты, если тебя хорошо обушь, никогда не забуксуешь... Надёжный... Проверено...

Уж в этом-то, знали все, была большая доля правды. Здоровьем и силой бог Мишку не обидел. Даже командир взвода лейтенант Черкашин, сам человек ладно скроенный и сшитый, глядя на Мишкины мышцы, сказал однажды:

– Тебя хоть сейчас на чемпионат культуристов выставляй... Смотри, какой «накачанный»... Любой классический атлет, что на стероидах сидит, позавидует...

И это при том, что Мишка спортом до армии не занимался, что такое стероиды, пожалуй, и не знал, но с самого детства был занят тяжёлым физическим трудом, без которого в деревеньке под забайкальской Кяхтой было просто не прожить. Мишку было ломом не сломать, а сам он, казалось, любой лом голыми руками в кольцо согнуть может. Шварценеггер просто потух бы от зависти рядом с ним. И был Мишка не «накачанным», а просто сильным и мощным

и к тому же трёхжильным, как это называется, от природы, то есть усталости не ведающим и с одинаковым успехом одолевающим на занятиях и стометровку, и пятидесятикилометровый марш-бросок...

– А что... – невозмутимо согласился Мишка. – Толкал как-то... Как раз перед армией... С батарей за дровами ездили... Трактор чуть не по ось, блин, в грязь закопался... Батя выруливает, я толкаю... Потом лесину сухую ногой сломал, поддел под тележку, придавил как надо, чтоб колесо не зарывалось... Вытолкал... Ничего... И без самогону...

Теперь смех послышался более отчётливый. Но все смеялись вполголоса, потому что наушники коротковолновой радиостанции, обычно называемой «подснежником», той самой, что осуществляла связь только внутри группы на ограниченном пространстве, были чуткими, и громкий смех, как и крик, по ушам бил основательно. Во взводе к «подснежнику» все давно привыкли и потому вели себя аккуратно. А если появлялась надобность что-то громко крикнуть, микрофон приучились зажимать ладонью или даже выключать.

– Ну ты, Мишка, колдун!.. Сейчас, похоже, пойдёшь толкать... – сказал лейтенант Черкашин. – Ищи сухую лесину... Как раз трактор в грязь закопался...

Лейтенант лежал с биноклем в руках, высунув голову из-под распластанной нижней еловой лапы, и следил за дорогой. Трактор внизу, прямо под группой, раскачивался вместе с тележкой вперёд-назад и никак не мог сдвинуться с места. Жирная чёрная грязь налипла на тяжёлые задние колёса и не отпускала машину. Сильно тормозила движение и гружёная телега, почти севшая на обе оси. Тракторист, морщась, несколько раз дверцу открывал, выглядывал, свешиваясь из кабины, но взглядом делу помочь не мог.

– Телегу, блин, отцепи, дурила... – почти по-дружески посоветовал сверху Мишка.

Но тракторист не слышал и долго ещё газовал, всё глубже засаживая трактор в грязь.

– А можешь и не отцеплять, всё нам веселее... Есть на что посмотреть... – согласился Мишка и с таким развитием событий. Он вообще был парнем добрым и покладистым. – А то одну колею рассматриваем... Скукота...

– И без того есть на что посмотреть... – серьёзно сказал лейтенант Черкашин. – Всем смотреть... Кто-то из них это или не из них?... Оцениваем поведение... Делаем анализ...

Лейтенант всегда старался научить своих бойцов хладнокровно думать и правильно воспринимать происходящее по внешним признакам. И в бою, и на занятиях всегда старался приучать их не только команды старшего по званию выполнять, но и самим понимать, что следует делать и почему. Это специфика работы спецназа, и пренебрегать обучением не стоило никогда. Как, например, сейчас...

Внизу из леса вышел человек и неторопливо, твёрдо ставя ноги на скользкой на спуске почве, двинулся в сторону трактора. Тракторист чуть приобернулся, вытащил из-за сиденья автомат, переложил под руку – в бинокль даже сквозь грязное стекло это было видно, и стал газовать сильнее, с лёгкой истеричностью. Но это помогало мало, если не делало ситуацию ещё более безвыходной, потому что при прогазовке колёса закапывались глубже.

– С автоматом... – заметил Венчиков. – Никак колёса прострелить желает...

– Здесь каждый второй с автоматом... – не полностью согласился лейтенант. – В ином селе без автомата в магазин не ходят, иначе соседи уважать не будут... Автомат по нынешним временам в данной местности – не критерий... Это как в Москве учёная степень... Показывает якобы серьёзность человека или же его финансовую состоятельность... Если больше ничего за душой нет, приходится себя хотя бы так показывать...

– Тракторист всё сильнее газует... – заметил Венчиков. – Похоже, боится...

– Не обязательно... Может показывать, как старается...

Трактор перестал дергаться. Человек с автоматом подошёл, тракторист из кабины выпрыгнул подальше, оттолкнувшись ногой от грязного крыла над задним колесом. Старался в грязь сапогами не попасть. И протянул подошедшему руку для приветствия. Люди разгова-

ривали как хорошие знакомые. Тракторист что-то пальцем показывал в лесу, словно объяснял путь.

– На Гайрбекова не похож... – вслух размышлял лейтенант, глядя в бинокль, и уже таким образом показывая солдатам, как должны в этой ситуации размышлять они, чтобы не ошибиться в анализе. – По параметрам не подходит, Берсанака у нас крупный, как Мишка, а этот не больше Венчикова, хотя тоже не миниатюрный... На Гойтемира по возрасту не тянет... Гойтемиру далеко за сорок, этому явно тридцати нет... Док по-чеченски не разговаривает и вообще внешность имеет европейскую... Похоже, кто-то местный... А что он по лесу шастает?.. Для ягод вроде как не сезон... Разве что грибы прошлогодние собирает...

– Спросить бы... – подсказал Игумнов. – Глотку слегка придавить, ноги от земли оторвать и спросить, блин, со всей натуральной вежливостью...

– Он прямо так и скажет, да и ещё на русский язык свой ответ переведёт, с красивыми подробностями, но не без матюков, конечно... – съехидничал Венчиков. – А потом пойдёт о тебе на каждом углу трепаться – «летучие мыши»,<sup>1</sup> дескать, по лесу шныряют...

– Скажет, куда он денется... – Мишка не смутился. – И дойти, блин, до туалета не сможет, если поговорить основательно...

– Если глотку придавить, ничего не скажет... Не сможет... И вообще... Мы видимой причины «светиться» не имеем... – решил лейтенант. – Явственных подозрений нет. Продолжаем наблюдение... За лесом следите... Никого там больше не видно? Никто его не боится?

– След один... – заметил Игумнов. – Я уже все подходы просмотрел...

В конце февраля снег на открытых местах уже стаял, сделав почву грязной и труднопроходимой, но по опушкам и тем более в лесу, где заросли погуще, он всё ещё держался. Человек, вышедший из леса, оставил один след, первый – значит, не постоянно выходил здесь к старой дороге, и встреча эта, скорее всего, случайная. Мало ли встреч может произойти на лесной дороге, и в большинстве из них ничего подозрительного нет, как и в разговоре, который, естественно, встрече соответствует...

Люди внизу тем временем обсуждали, как трактору выбраться из грязи. Тракторист, кажется, нашёл в лице случайного встречного сообразительного помощника. Вероятно, по подсказке незнакомца он забрался в кузов тележки, вытащил оттуда топор, и вдвоём они срубили и принесли под колесо несколько небольших ёлок. А лейтенант Черкашин опять приткнулся к биноклю, пытаясь рассмотреть, что везёт тракторист. Казалось, что это какие-то строительные материалы, что-то типа фибролитовых плит или даже просто стружка, скреплённая бетоном в плиты, – точно определить было сложно. След трактора на этой дороге был уже устойчивым и появился здесь, судя по всему, не меньше пары недель назад, когда снег с дороги уже сошёл и образовалась привычная для таких мягких дорог грязь. Как сумели разобрать спецназовцы ещё утром, исследуя следы, трактор проходил здесь не меньше десяти раз. Следовательно, сделал не меньше пяти рейсов. Кто и куда ездит через лес?.. Трактор наконец-то выследили, но разгадки это не принесло...

Двигатель заурчал снова. Тракторное колесо подмяло под себя целые ёлочки, вдавило их в липкий чернозём, но густые лапки самую грязь плотно прикрыли, сделали уже не такой цепкой, и трактор, несколько раз по привычке скатившись назад, всё же выбрался из ямы, которую сам себе вырыл. Тракторист приветственно махнул рукой человеку с автоматом и направил машину дальше, а его добровольный помощник, в ответ на приветствие поднявший автомат, долго провожал трактор взглядом, потом направился снова в лес почти по своему следу. Впрочем, непохоже было, чтобы он старался непременно в свой след ступать, следовательно, след оставить не боялся и не скрывался. Бандиты обычно стараются по возможности не наследить, хотя на снежном насте это практически невозможно.

---

<sup>1</sup> Эмблема спецназа ГРУ изображает летучую мышь над земным шаром.

– Интересно, какого хрена он там делает? – спросил Венчиков. – Или у них в лесу водку продают?.. Тогда я в очередь пойду встану... В очереди чего только не услышишь... Всю, пожалуй, боевую биографию Берсанаки выложат...

– Грибы собирает... – убеждённо, недовольный бессмысленными гаданиями, пробасил Игумнов. – Товарищ лейтенант же ясно сказал. Ему в бинокль виднее. Самое на то время, из-под снега так и прут один за другим...

– Отставить базары... Продолжайте наблюдение и не отвлекайтесь, я на высотку взберусь, надо с командиром связаться... – скомандовал лейтенант Черкашин и начал задом, как рак, выполнять из-под прикрывавших его еловых лап.

Здесь, над дорогой и под склоном сопки, связи через «подснежник» с другими двумя группами не было – экранировал выпуклый каменистый бок высоты, но наверху, как уже было проверено, связь держалась устойчиво, и Черкашин за день уже дважды поднимался, чтобы выйти на разговор с капитаном Матроскиным.

Под густой кроной деревьев лейтенанта невозможно было увидеть из лежащего напротив леса, и потому он не боялся, что человек с автоматом может его заметить. Более того, такой густой лес вполне мог бы укрыть и все три группы спецназовцев, если бы возникла такая необходимость. Но добраться до вершины высотки лейтенант не успел, когда послышался отдалённый одиночный выстрел. Определить, откуда стреляли, здесь, среди деревьев, было трудно, как Вячеслав ни прислушивался. Ясно было только одно – стрелок находился ниже капитана.

– Я – Черемша, Муромец, где стреляли?

Младший сержант Игумнов отозвался сразу:

– Тот парень... Что с автоматом... Оттуда, блин, выстрел... Куда он ушёл...

– Он или в него?

– Не могу сказать, товарищ лейтенант... Нет визуального контакта...

– Он бы очередью стрелял, товарищ лейтенант... – вмешался в разговор рядовой Венчиков.

– Это не факт, Иволга, – не согласился лейтенант. – Муромец, оставь отделение на Иволгу, возьми кого-нибудь и сходи туда... По открытому месту быстро, без задержки... И старайся по проталинам, чтобы не наследить... Я буду наверху...

– Понял... – отозвался Мишка. – Жабоедов, за мной...

– Ещё пару человек... – подсказал лейтенант.

– Вдвоём посмотреть проще, чтобы тебя не увидели, товарищ лейтенант... И следов меньше... Внимания меньше обратят...

– Как хочешь, иди... Только в темпе и аккуратно... Не подставляйся стрелкам...

Черкашин продолжил подъём, чтобы заодно обсудить с командиром отряда и это происшествие, хотя результатов пока получено не было и обсуждать, по сути дела, было нечего. До вершины оставалось недалеко, но поверху идти быстро и в полный рост было невозможно, потому что там лес расступался, оставляя место для нагромождения камней, и крупных, и мелких. Опыт подсказывал, что с кромки леса «подснежник» связь не берёт, а берёт только с самой вершины. Но на вершине любой человек становится заметным с других точно таких же сопков, расположенных поблизости. И потому до вершины предстояло добираться ползком, что, впрочем, лейтенанта Черкашина не сильно смущало, потому что умение ползать на многочасовых занятиях спецназовцы отрабатывали до того состояния, когда это умение переходит в искусство, – эта формулировка заместителя командира бригады подполковника Стропилина прочно осела в лексиконе всех подразделений, от взвода до роты и батальона, и командиры всех уровней старались научить своих солдат не навыкам, а именно боевому искусству.

– Я – Черемша, я – Черемша... Аврал, как слышишь?

– Черемша, я – Аврал, – сразу отозвался капитан Матроскин. – Тебя слышу нормально, не могу только до Транзита пробиться...

- Транзит, я – Черемша, слышишь?
- Я – Транзит... – подал голос старший лейтенант Родион Викторов. – Слышу тебя... У меня всё без изменений, заснуть от скуки готовы... Кто веселить будет?
- Аврал, не слышал?
- Только тебя...
- У Родиона без изменений... Спят и громко храпят, чтобы все медведи в округе испугались и не подошли близко... Будут рады, если ты разрешишь их посмешишь...
- Понял, что у тебя? Выстрел слышал? Это где-то в твоей стороне...
- Послал Муромца... Разберётся, доложит...
- Что ещё?
- Трактор, который отслеживали, проехал... Гружен какими-то «бэушными» стройматериалами. Непонятно, откуда возит. Застрел на дороге прямо под нами, закопался в грязь. Из леса человек с автоматом вышел. Под описание объектов не подходит...
- С автоматом?
- Да... У тракториста в кабине тоже автомат был, кстати...
- Здесь все, похоже, с автоматами обнявшись, спят... Это уже стало предметом национального костюма – вместо кинжала...
- Похоже на то... Глухомань... Разоружения проведено не было... А если местные менты и проводили, то, как всегда, бестолково...
- Ладно... Дальше что?
- Вместе нарубили ёлок, напихали под колесо, трактор выехал, тракторист уехал, человек с автоматом в лес ушёл. След только один был – из леса и в лес... Потом, я уже к вершине поднимался, с той стороны, куда он ушёл, прозвучал выстрел...
- Я – Муромец... Черемша, слышите меня?
- Муромец, слышу... Докладывай...
- Есть убитый... Тот человек, что к дороге выходил... Выстрел, блин, с дистанции в голову...
- Проверь карманы. Документы есть?
- Проверил... Алхазур Аслабикович Чочиев... Паспорта нет, только водительское удостоверение ещё старого образца... С таким сейчас только в Чечне и ездят... И то редко... Большинство давно поменяли или купили новое...
- Повтори фамилию.
- Чочиев... Алхазур Аслабикович Чочиев... Фотографию с личностью сверить трудно. Пуля половину головы снесла, лицо, блин, искажено и залито кровью...
- Место, откуда стреляли, определить можешь? Не тракторист случайно вернулся?
- Место только приблизительно... Учитывая, что пуля попала сбоку, могу с уверенностью сказать, что пуля прилетела с противоположной трактористу стороны...
- Местные леса сильно заселены... – посетовал лейтенант. – Возможно, стреляющими из автомата медведями...
- Похоже на то...
- Документы заberi, тело не трогай... Поищи, кто мог стрелять... Я на связи... Докладывай, если что... И осторожнее...
- Работаем...
- Черемша, что там у тебя?
- Докладываю... У нас ещё один Чочиев появился... И не в лучшем виде... Не в самом то есть привлекательном... На концерт с таким не пойдёшь... Но в местных моргах умеют хороший грим накладывать... Тренированные...

\* \* \*

На обследование места убийства в дополнение к двум солдатам первого отделения спустился старший лейтенант Викторов с двумя своими бойцами, оставив остальных бойцов своей группы на прежнем месте наблюдения. Так распорядился капитан Матроскин. Поскольку самим спецназовцам «светиться» в этих местах не рекомендовалось, решено было передать данные на найденное в лесу тело в бригаду спецназа ГРУ, чтобы оттуда через республиканское ФСБ, по цепочке, дело дошло до райотдела внутренних дел. Пусть менты сами тело поищут... И выяснят заодно, что этот человек в лесу делал и почему он был с автоматом. На это уйдёт какое-то время, и спецназ, возможно, успеет свои дела здесь завершить. А сейчас следовало другим заняться. Если внизу оставлены следы, они не канут в небытие без внимания, старший лейтенант – следопыт опытный и умеет работать по «горячему» следу. Это дело могло и не иметь отношения к проводимой операции. Мало ли что здесь случается. А могло и иметь... Особый интерес вызвала фамилия убитого, поскольку в Чечне это не самая распространённая фамилия и чаще встречается у осетин, чем у вайнахских народов Чечни и Ингушетии, хотя и там тоже не является редкостью. Об Алхазуре Аслабиковиче Чочиеве необходимо было срочно собрать все возможные данные, потому что с трудом верилось в возможность совпадения – сначала один Чочиев погибает, потом другой. Но собирать эти данные, не показывая себя окружающим, спецназовцам было невозможно, поскольку деревья в лесу и камни в горах не склонны рассказывать слишком много. По крайней мере не расскажут больше того, что человек сам может увидеть и прочитать, если он не лишён наблюдательности. Следовательно, оставалось только на ментов надеяться. Они должны проявить активность и оперативность, помноженные на злость, поскольку три их сотрудника были убиты, а такие дела менты на самотёк не пускают... Менты почему-то не любят, когда их сотрудников убивают, если только сами на бандитов не работают и не направили убийц по следу сослуживцев, что тоже не редкость в здешних сложных условиях...

Старший лейтенант Викторов сразу начал спуск и переход к месту события. Капитан Матроскин связался со штабом бригады, доложил обстановку и только после этого снова вышел на связь с лейтенантом Черкашиным, ожидающим его всё там же, на высотке, – вдруг в штабе появились какие-то дополнительные сведения, и это изменит ситуацию...

– Слава... Слышишь?

– Да, слышу...

– Они сработают сразу... Передадут напрямую «краповым», «Витязь»<sup>2</sup> сейчас в селе «зачистку» проводит... С «краповыми» есть прямая телефонная связь. Результаты мне передадут по мобильнику, как только что-то будет... Если ничего не будет, тоже передадут...

– Может, «краповые» хотя бы количество автоматов в селе уменьшат, – высказал надежду лейтенант Черкашин. – Село-то великовато... Пусть хоть по одному у каждого мужика заберут, и то сколько металлолома... Подскажи...

– Черемша, Муромец, я – Иволга... – раздался в наушнике встревоженный голос рядового Венчикова. – Как слышите?

– Слушаю тебя, Иволга...

– Я тоже слышу... – подключился к разговору и младший сержант Игумнов.

– Трактор назад шпарит... как... как ошпаренный... Того и гляди, кувыркнётся...

– Проследи, что у него в кузове. Он разгрузился или нет? – скомандовал лейтенант Черкашин. – Может просто за второй партией груза ехать. А скорость – горцы все слегка лихачи... Особенно трактористы...

---

<sup>2</sup> «Витязь» – подразделение спецназа внутренних войск.



– Сейчас, подъедет ближе...  
– Что там у тебя? – спросил капитан Матроскин, который не слышал донесений с поста.  
– Трактор возвращается на большой скорости... Надеюсь, никого не задавит...  
– Интересно, он от «краповых» сматывается или пытается кого-то предупредить? Куда эта дорога ведёт?

– На старую заброшенную ферму. Здесь когда-то колхоз был и ферма была... Я думаю, тракторист втихомолку ферму и «бомбит»...

– Да, – согласился капитан. – Стройматериалы может возить только оттуда... Я в карту смотрю... А что он, интересно, строит? Я передам ещё вопрос для «краповых». Относительно тракториста и его строительной активности...

– Он мог забыть что-то там и возвращается... Уважительная причина, чтобы спрятаться от «краповых»... Даже если ничего не собираешься утаивать, всё равно проверки стараешься избежать... Общепринятый закон... Тем более автомат за сиденьем... За автомат «краповые» могут и по шее настучать... И не возразишь...

– Черемша, в тележке всё без перемен... Как был загружен, так и едет... Сейчас в старую яму вкатит и забуксует снова...

– Не выходи помогать... – посоветовал Игумнов. – Кто, блин, трактористу помогает, того здесь, кажется, отстреливают...

– Нет... Не увяз... С ходу рядом пролетел... Не провалился... – Венчиков, кажется, даже расстроился от такой удачи тракториста. – Тебе, Мишаня, толкать не придётся... Но ты не расстраивайся, он ещё назад поедет... Может и застрять... Ой-ёй... Что-то тормозит... Останавливается... Около следа... Там в снегу след... Убитый оставил, и Мишаня с Жабоедовым этим же следом прошли... Нет, дальше поехал...

– Я выхожу с группой на перехват... – сказал капитан Матроскин. – Я могу успеть к ферме, скорее всего, только чуть позже трактора... Связи, наверное, не будет, там место низкое, если что-то срочное, звони на мобильник, здесь устойчивая сотовая связь... Вышка недалеко... Я мобильник включу...

– Понял, я к своим возвращаюсь... Вышку я ещё ночью заприметил... Трубку я тоже, пожалуй, включу... На виброзвонок...

– Я всегда только на виброзвонке её держу. С «краповыми» я на ходу свяжусь... Мне кажется, тракторист не по сезону рано начал строительные работы...

– Может, просто материалы заготавливает...

– Есть ли необходимость по такой грязи мотаться? Если увязнет крепко, кто его вытаскивать будет? Другой трактор гнать?..

– Пусть проверят...

– Я передам. Мы погнали...

## 2

Странно...

Кукушка куковать начала не ко времени. Обычно они кукуют в разгар весны и в начале лета. Свадьбы у них, что ли, в это время... Это Берсанака знал отлично, всё-таки вырос в местности, где кукушек всегда было много. Как-то так повелось, что в округе нигде больше кукушек не водилось. Только в их долине. Вообще-то кукушка традиционно считается более северной птицей и гор любовью не балует. Но у них долину тоже не горы, а, по сути дела, холмы окружали. И это место кукушки облюбовали себе издавна, ещё до того времени, которое Берсанака помнил. Весной и в начале лета трудно их не услышать.

– У русских принято кукушку спрашивать, сколько тебе лет прожить осталось... – сказал Док Доусон. Его когда-то звали Майклом Доусоном, но с тех пор, как два года назад Майкл

стал доктором международного права, он стал требовать, чтобы его звали официально Доком Доусоном. Впрочем, для смены имени были и другие причины – за Майклом Доусоном тянулось кое-что, что он хотел бы забыть или хотел бы, чтобы об этом забыли другие. ЦРУ помогло даже документы на новое имя получить. – Я когда-то изучал русские суеверия...

Русские суеверия, как и чеченские обычаи, полковник изучал впопыхах, просто читая в самолёте методическое пособие, и было это перед его первой поездкой в Чечню четыре года назад.<sup>3</sup> Тогда он вернулся благополучно, хотя и потерял одного ценного сотрудника, который, как потом оказалось, стал агентом в русской лаборатории, что тоже стало плюсом для карьеры самого Доусона, и неожиданно для себя Док стал вдруг крупным специалистом по республикам Северного Кавказа, входящим в состав России. Это был большой и перспективный плацдарм для повышения по службе в сравнении с тем, чем полковник занимался прежде.

– Я не знаю, что принято у русских. У нас говорят, если кукушка к тебе на забор села, кто-то в доме умрёт... Нехорошая птица... И совсем нехорошо, если она не вовремя куковать начинает... Рано ещё кукушке голос подавать... – ответил Берсанака хмуро.

Они разговаривали по-английски, который для Дока Доусона был родным языком, а для Берсанаки Гайрбекова хотя и представлял некоторую проблему в письменном варианте, но разговорным он владел вполне сносно. Все последние годы приходилось по несколько месяцев практиковаться, потому что жил и работал он в эти месяцы среди людей, говорящих только по-английски, хотя эти разговоры проводились внутри высокого бетонного забора и тоже бетонного, вбирающего в себя и холод и жару здания, стоящего посреди большого двора, тем забором окружённого. А вокруг забора по-турецки говорили. Берсанака и турецкий разговорный язык знал, и даже лучше английского, но с турками он общался редко, потому что часто покидать пределы двора разведцентра ЦРУ ему не рекомендовалось. И вообще турки ему не нравились. Он их ненадёжными людьми считал. Сегодня одно говорят, завтра другое и всегда пытаются свою выгоду найти. Впрочем, в городке, где разведцентр располагался, жили преимущественно турецкие армяне, которые себя тоже турками называли. Это дальше, в горах, живут те, которые хотят армянами зваться. А в городах они тоже зовутся так, как им выгоднее. Берсанака не любил людей, которые во всём только свою выгоду ищут. Он сам таким никогда не был, и несходство характеров отражалось на его отношении к людям.

– Сейчас климат быстро меняется, – заметил Док. – В ненужное время глобальное потепление, в неподходящее – непонятное похолодание почище глобального...

– Хорошо, если так... – думая о своём, сказал Берсанака.

Док Доусон тон уловил сразу.

– У тебя есть сомнения? – и, конечно же, обязательный внимательный вопрошающий взгляд водянистых глаз.

Док всегда свой вопрос сопровождал таким взглядом. Когда он смотрел сквозь сильные очки, что носил обычно в разведцентре, Берсанаке, огонь и воду прошедшему, становилось слегка не по себе. Было в этом взгляде что-то придавливающее, пугающее, холодное, что заставляло кожу тела мелко вздрагивать, как от ледышки, упавшей за шиворот.

– При нашей жизни сомнений не быть не может... – к условиям боевой жизни на нелегальном положении, более того, на положении разыскиваемого и гонимого человека, Гайрбеков всегда относился с лёгкой философичностью и считал такие условия почти нормальными. По крайней мере, привычными... Это потому, что он когда-то, несколько лет назад, пытался считать их ненормальными и тогда сильно страдал. Но Берсанака тем и славился, что всегда удачно и легко адаптировался к условиям. И в тот раз, осознав причину своего неприятного самочувствия, он мысленно перестроился, и ему стало заметно лучше и легче. – При нашей жизни могут быть подозрения, а если есть подозрения, следует проявлять повышенную осто-

---

<sup>3</sup> Полковник Доусон – один из героев романа «Имя приказано забыть».

рожность. Я всегда этого принципа придерживаюсь и потому жив до сих пор. Главное – не бояться бояться... Когда боишься, ты осторожен... А те, кто боялись показать, что они боятся, хотя в действительности тоже боялись, давно в земле сгнили...

– Они не отправились к Аллаху? – спросил Доусон с лёгкой насмешкой в голосе.

– Направление, в котором они удалились, меня мало волнует. Я всегда видел только одно направление – под землю... А что с ними было дальше, кто знает...

– Ты разве *не* верующий мусульманин?

– Если можно так сказать, я *неверующий* мусульманин... Конечно, я мусульманин по крови и по убеждениям своих предков, но я человек в глубине души не верующий. Это мне помогает жить. А ты, Док, верующий?

– Конечно... Только я – христианин, а не мусульманин, как ты должен, наверное, понимать... Хотя среди американцев и много мусульман, но это или выходцы из арабских стран, или афроамериканцы... В Африке ислам тоже доминирующая религия, хотя там и христианство представлено широко. Но Северная Африка вся за исламом...

– Был бы ты по-настоящему верующим, ты не был бы сейчас здесь... – усмехнулся Берсанака и переглянулся с мрачным Гойтемиром. Тот чистил ногти остриём большого боевого ножа, в разговор не вступал, но разговор слушал. – Ваша заповедь – «не убий»...

– А разве я кого-то убиваю? – Док Доусон округлил удивлённые глаза. – Я только, случается, защищаюсь. А это не есть убийство... Добро должно быть с сильными кулаками, иначе оно не может нести другим добро и своя доброта без кулаков быстро растеряется... Всегда битый человек обязательно бывает озлобленным на окружающий мир. И только сильный человек может позволить себе быть по-настоящему добрым. И сильная страна может позволить себе быть доброй... Такая, например, как моя...

– Ты демагог, Док, как и все христиане... – сказал Гойтемир и посмотрел куда-то в сторону юга, где, по его мыслям, должна находиться Мекка и куда каждый мусульманин направляет свои молитвы. – Ваша религия допускает слишком много трактовок и потому не может быть правильной... Религия должна быть ясной и чёткой, всем понятной...

– Ты слишком категорично мыслишь, – возразил Док Доусон с добродушной, совсем не высокомерной улыбкой. – И при этом не знаешь сути христианства. Ислам тоже имеет множество течений, и представители каждого считают, что только они правы... Как и в христианстве... Категоричность мышления у тебя профессиональная, без этого, наверное, тебе нельзя было, но ты давно уже с детьми не работаешь, и пора бы отвыкнуть...

Гойтемир был когда-то учителем английского языка в школе, и Док прекрасно знал это.

– Я не хочу отвыкать от самого себя. Если я такой есть, я таким и буду... – возразил Гойтемир тоже категорично и убрал нож в ножны, показывая этим, что разговор он закончил.

– Так что там с кукушкой? – Док легко сориентировался в ситуации и вернул разговор в прежнее русло, более спокойное и не задевающее ничьих религиозных чувств.

– Не только кукушка... – Берсанака повернул ухо в сторону. – Ещё и зелёный дятел прокричал, но и дятлу тоже так кричать рано... Они так кричат только весной, когда свадьбы играют... Всё остальное время только телеграфные столбы долбят...

– Это тот пронзительный вопль? – спросил Док.

Берсанака кивнул, подтверждая.

– Я бы подумал, что это перекликаются спецназовцы, которые нас ищут... – предположил он. – Хотя они тоже не дураки и знают, когда, кто и как кричит... Разве что менты... Эти могут свадебную песню и зимой петь, и осенью...

– Они что, сексуально озабоченные?

– Конечно... Все, с которыми порядочная женщина постесняется стоять рядом, сексуально озабочены... А какая женщина пожелает рядом с ментами встать... Они сами пытаются женщин не пропускать, и потому я, как честный и порядочный человек, стараюсь не пропус-

кать ментов мимо своего ствола... Можно кого угодно отпустить, а мента отпускать нельзя. Он тебе потом в спину выстрелит...

– И что нам предпринять?

– Ничего пока не предпринимать... Пока и голос кукушки, и голос дятла звучали в одной стороне... Даже если это менты, они где-то в стороне идут...

– А что им здесь делать? – не унимался Док Доусон. – Я понимаю, они могли найти Михаила... Но второго-то... Второй совсем свеженький... Его просто некому было найти...

– Алхазура найдут, скорее всего, завтра... Тогда менты и появятся... – сказал Гойтемир. – Я приказал Бекмурзе только завтра позвонить ментам...

– Мне бы хотелось посмотреть на ментов там, на месте, когда они заявятся, – заметил Док. – Так местный участковый без одной из своих собак, говорите, не ходит?

И он с осторожностью потрогал свою ногу. Под штаниной ощущалась плотная перевязка, что покрывала рану, мешающую Доку Доусону ходить.

– Не ходит здешний участковый без собаки... Не расстраивайся, мы за тебя посмотрим...

– Может, если осторожно и заранее, и я доберусь?..

Берсанака, не ответив, резко встал, прервав разговор. И явно насторожился.

– Что ты? – спросил Док, сам настораживаясь.

– Бекмурза... Чёрта помянешь, он тут как тут... Трактор едет... Разве не слышишь?

– Слышу... – сказал Гойтемир. – Что ему здесь делать? Он здесь уже был... Может, другой кто? Я выйду...

– Позвони... – посоветовал Док. – Лишний раз в лесу след оставлять тоже плохо...

Гойтемир не высказал ни согласия, ни возражения, но трубку достал и набрал номер. Ответили не сразу, но всё же ответили. Громкоговоритель трубки был включен, и потому Берсанака мог слышать разговор, как и Док, но Док из-за незнания чеченского языка понять ничего не мог.

– Бекмурза, ты где?

– В вашу сторону еду... – сказал тракторист таким голосом, словно он не на тракторе ехал, а бегом бежал несколько километров без остановки и потому задыхался.

– Зачем? – не понял Гойтемир.

– У нас в селе «зачистка»... Мне жена позвонила. «Краповые» нагрянули... Обыски по всем домам... Протоколы на оружие составляют... Кого не посадят, того штрафанут...

– И что?

– Автомат спрячу в развалинах... Потом – назад... К вам я не сунусь...

– Ну, давай... – согласился Гойтемир.

– Кстати... – заметил Бекмурза. – Я мимо следа Алхазура проезжал сейчас... Когда он от меня уходил... След какой-то...

– Какой? – спросил Берсанака, словно Бекмурза мог его услышать.

Но Гойтемир сам вопрос повторил:

– Какой след?

– На снегу... Словно по нему ещё несколько человек прошли... И не слишком аккуратно шли... Но в след всё же ступали...

– Назад когда поедет? – спросил Берсанака.

– Когда назад двинешь? – «перевёл» Гойтемир вопрос.

– Автомат припрячу, и назад... Сам «краповым» покажусь – дескать, что мне убегать?.. Я – чистый и к проверке готов...

– След рассмотри как следует... С места нам не звони... Отъедешь в сторону, звони оттуда... – Гойтемир без подсказки понял, что хотел узнать Берсанака. – И хорошо продумай, что будешь ментам говорить, зачем ты возвращался...

– А откуда они узнают? – не понял тракторист.

– А ты думаешь, они следы читать не умеют? Пять раз от тела Алхазура до дороги по следу пройдут и всё разберут... Если уже не прошли...

– Понял... Я подумую... Конечно... Бензопилу забыл... За ней и возвращался... Из тележки выложил, когда грузил, и забыл...

– Какой плохой из тебя хозяин, Бекмурза... – сказал Гойтемир. – И как ты можешь магазин держать, ума не приложу... Разве хороший хозяин забудет где-то бензопилу?..

– Вай-вай... Вот такой я человек невнимательный... Голова совсем дырявая... Это потому что менты – проклятое племя, пусть не приснятся они доброму честному человеку! – меня много и сильно били...

– Ладно... Брат твой когда приезжает?

– Сегодня должен был в Грозный прилететь. Думаю, завтра появится...

– Пусть сразу связывается с нами... Без задержки... А ты сам будь осторожнее... – посоветовал на прощание Гойтемир.

– Я своей жизнью время от времени тоже дорожу... – ответил Бекмурза. – Я бы, честно говоря, и не так дорожил, да жена заставляет, говорит, куда я с семерыми детьми без тебя... Приходится слушаться... Жену надо не только любить, но и уважать...

Уважать Бекмурзе свою Аминат было за что: сам он от силы шестьдесят килограммов весил, а жена у него за сто пятьдесят перевалила...

\* \* \*

Тракторист Бекмурза, владелец сельского магазина, назад ехал не так быстро, как до этого, и дорогу выбирал более тщательно. То есть он выбирал место вне дороги, где ещё не проезжал до этого и где было побольше камней. Резина на тракторных колёсах хоть и старая, но надёжная, а снова зарываться в грязь Бекмурза не желал. Тем более помочь ему теперь было уже, кажется, некому. А если и появились в лесу посторонние люди, то они, догадывался Бекмурза, особого рвения в помощи не покажут, в отличие от соседа по сельской улице Алхазура Чочиева, который теперь уже помочь не сможет, потому что Алхазур сам сказал Бекмурзе, что знает, где прячется Берсанака, и идёт убить его, потому что Берсанака убил его племянника Михаила.

Отъехав в сторону совсем немного, Бекмурза позвонил Гойтемиру, чтобы предупредить о предстоящем визите Алхазура. Гойтемир обещал старшего Чочиева встретить и, видимо, встретил, потому что сам позвонил Бекмурзе вскоре и велел завтра снова поехать на ферму и «нечаянно» найти в лесу тело Алхазура. А потом сказать не кому-то, а только участковому менту младшему лейтенанту Идрису Дударкову. И показать место.

В принципе, от возвращения Бекмурзы на ферму ничего не изменилось, и ехал он домой в своём обычном беспечном состоянии духа. Только у следа, проложенного по снежной целине Алхазуром, снова притормозил и на этот раз внимательно, хотя и быстро, осмотрелся вокруг. Бекмурза имел острый взгляд и обычно всё подмечал, что ему требовалось подметить, и опасность всегда чувствовал, как сам говорил, своим слегка великоватым носом. Великоватым нос считал только он сам. Другие думали, что нос чуть-чуть больше, чем великоватый, но хорошие знакомые признавали, что такой нос помогает чувствовать то, что другие не чувствуют. Однако в этот раз Бекмурза ничего подозрительного не увидел и не почувствовал, но убедился ещё раз, что кто-то спустился с сопки и пошёл по следу Алхазура. Может быть, даже не один человек. Что это был не след Гойтемира и Берсанаки, сомневаться не приходилось, потому что Берсанака Гайрбеков с товарищами засел совсем в другой стороне. Значит, ещё кто-то здесь бродит, и хорошо, если этот кто-то не видел Гойтемира, когда тот убивал старшего Чочиева. Но Аллах бережёт только того, кто сам о себе позаботиться желает. Эту истину Бекмурза хорошо

знал и потому, внимательно за окрестностями наблюдая, проехал чуть дальше – и только там вытащил трубку мобильника и набрал уже привычный номер.

– И что расскажешь? – теперь уже спросил не Гойтемир, а сам Берсанака, который взял, видимо, у Гойтемира трубку.

– Посмотрел я след...

– Ну, и...

– Кто-то прошёл по нему... Мне показалось, что даже не один человек...

– Обувь какая?

– Рифлёная подошва... Похоже на берцы... У Алхазура такая же... Но эти сверху, с другим рисунком...

– Плохо... Но всё равно я благодарен тебе за предупреждение... Сам будь осторожен... Если завтра нас не застанешь на месте, жди в гости ночью. Аккумуляторы для трубок заряди.

– Уже зарядил... Все три телефонные и тот, большой...

– Хорошо. Ты, надеюсь, себе нормальную собаку ещё не завёл?

– Нормальная собака у меня в магазине ночует... Те, что дома, не собаки, а кошки и почти не лают, хотя и не мяукают... Но штаны порвать могут, если близко подойдёшь... Но ты не подходи. Цепи не длинные... Не волнуйся...

– И хорошо... Осторожнее будь...

С Берсанакой разговаривать было всегда приятно. Он не произносил лишних фраз и вообще болтовни не любил. Настоящий сдержанный в эмоциях медведь... Все события отмечал только двумя характерными для него словами: «хорошо» или «плохо». Быстро отключился от разговора и в этот раз.

И едва Бекмурза успел убрать трубку и отъехать на десяток метров, как из-за поворота дороги появилось какое-то непонятное, незнакомое трактористу чудовище, которое такую грязную дорогу преодолеvalo так же уверенно, как это мог делать трактор, если не более быстро. Бекмурза сначала подумал, что это военный «Хаммер». Он видел «Хаммер» в автосалоне в Москве и даже за руль там же садился, словно приценивался. Видел несколько «Хаммеров» в Грозном, где хорошие сильные машины в моде и совсем не редкость, по крайней мере в меньшую редкость, чем в той же Москве, только в Грозном в чужой «Хаммер» не сядешь. Он и сам мечтал о «Хаммере», хотя денег пока не хватало. Но сейчас Бекмурза быстро сообразил, что у федералов тем более нет денег на такие машины, да и не «Хаммер» это вовсе, а какое-то новое чудовище, судя по камуфлированному цвету принадлежащее или военным, или ментам.

Машина перекрыла дорогу в самом узком месте, откровенно намекая, что трактору пора остановиться. Лёгким трактором и легковушку-то не всегда с вязкой дороги столкнёшь, а уж такого тяжёлого зверя – тем более. Он сам, пожалуй, может смести трактор с дороги и не почувствовать момента встречи...

Бекмурза остановился и выпрыгнул из кабины с радостной улыбкой, которую всегда умел в нужный момент на своём лице «нарисовать». Улыбка, естественно, предназначалась не «кrapовым», что выскочили из, похоже, бронированной машины, оснащённой даже креплением для пулемёта на крыше, а только самой машине. И даже на наставленные на него автоматы привычный к этому Бекмурза внимания особого не обратил.

– Кто такой, откуда путь держишь? – спросил, козырнув, бровастый широкогрудый капитан.

– Местный я... – беспечно ответил тракторист, показывая прекрасное знание русского языка. Зря, что ли, финансово-экономический институт в Москве закончил по-настоящему и диплом имеет не покупной. – Бекмурза Бисолатов... А что это за машина такая? Я уж думал, «Хаммер»...

– Это почище любого «Хаммера» будет... – заметил выпрыгнувший с водительского сиденья старший прапорщик не в «кrapовом», а в чёрном берете. – «Тигр»... Отечественная

машинка... В Нижнем Новгороде делают. Для Саудовской Аравии по заказу разрабатывали. Вместо «Хаммера», но лучше «Хаммера». А досталась нам... И слава богу...

И с силой, с какой-то восторженной злобой пнул большое, как у бронетранспортёра, колесо...

– Вот бы мне такую для наших-то дорог... – мечтательно и простодушно сказал Бекмурза.

– Покупай... – не менее простодушно ответил старший прапорщик. – Дёшево отдам...

Капитан спишет как сгоревшую после выстрела гранатомёта...

– Документы... – одним словом-требованием прекратил капитан пустую болтовню.

– Это пожалуйста...

Бекмурза без возражений полез в карман, привычный к таким проверкам, как к чему-то неизбежному, как к дождю привыкают или к солнцу, как к автомобильному движению на улицах, которого следует опасаться, но не следует бояться, если знаешь, где улицу переходить и на какой сигнал светофора идти следует. Хотя, как Бекмурза слышал, многие его соотечественники, выросшие в последние годы в горах, про светофор никогда ещё не слышали и часто, попав в город, ругаются на движение, считая городскую жизнь сумасшествием.

Капитан документы посмотрел, сверил, водя пальцем по строчкам, с каким-то списком в своём планшете и вернул.

– Куда и откуда?

– Домой... – спокойно ответил Бекмурза. – У меня магазин свой...

– Знаю... – показал капитан, что список у него не случайный.

– Вот... Магазин расстраиваю, прикупил тут ферму заброшенную, понемногу разбираю на стройматериалы... Вожу вот в свободное время...

– Видел кого рядом с дорогой? – спросил зашедший со спины длинный и жилистый «краповый» старший лейтенант с удивительно кривым и длинным носом.

От такого всегда ждёшь, что он лапой своей, как плёткой, с размаху врежет. И обязательно сзади, чтобы изувечить. Неожиданно полученный удар часто увечит, потому что мышцы под него напрячь не успеваешь...

Из-за поворота дороги показался ментовский «уазик» местного участкового. Узкие колёса проваливались в грязь, но всё же «уазик» шёл ровно, почти не рыская капотом по скользкой дороге.

– Видел... Я дважды ездил... Первый раз поехал, вспомнил, что бензопилу оставил, вернулся... Сейчас возвращаюсь... Вот в тот, в первый раз, застрял я, так сосед из лесу вышел, помог... Мы с ним пару ёлок срубили, под колёса, чтобы выбраться...

– Какой сосед? – спросил капитан.

– С нашей улицы... Алхазур Чочиев... Помог, потом в лес ушёл...

– А что он там делал? – поинтересовался старший лейтенант.

– А я разве хам, чтобы спрашивать. Вышел, поздоровались мы, он помог и пошёл дальше...

– Какое при нём было оружие? – «краповый» старший лейтенант даже не спросил, было ли у Алхазура с собой оружие. Он сразу спросил какое. Но Бекмурза на такие штучки не попадает.

– Оружие? Да откуда у него оружие... Не знаю, не знаю... Ко мне он без оружия выходил. Зачем ему оружие, не бандит же... Не знаю, не знаю... Вообще не слышал, чтобы у него оружие было... Он даже не охотник...

– А у тебя оружие? Автомат где держишь? – вопрос прозвучал настолько жёстко, что Бекмурза даже слегка напрягся, словно за вопросом должен был удар последовать.

– А мне оно на что? Я торгую продуктами, а не патронами... И на охоту тоже не хожу... Мне оружие и не нужно...

– Я всем вам, местным, всегда говорю, что оружие вам не нужно... – без улыбки и даже показывая голосом, что злится, продолжил капитан. – А вы всё равно держите... И все вы абреки... Не можете без оружия жить, как нормальный человек без женщины. Нормальному человеку женщину обнимать по ночам хочется, а вам всем свои стволы...

– О! – с мечтательным восторгом согласился Бекмурза. – Я жену обнимать люблю... Её сколько ни обнимай, всё равно всю не обнимешь... Большая... А так хочется всю обнять...

Ментовский «уазик» остановился рядом. Из-за руля вышел младший лейтенант Дударков. Коротко посмотрел на Бисолатова, заглянул в кузов его трактора, в кабину заглянул, где уже возился один из «краповых», обыскивая. И только после этого подошёл к самому Бекмурзе.

– Что, говоришь, Алхазур помогал тебе из грязи выкопаться?..

– Помогал... – согласно кивнул Бекмурза с той же добродушной улыбкой, но сам уже просчитал, что Идрис Дударков никак не мог из своей машины слышать разговор с «краповыми». Но он откуда-то знает, что старший Чочиев помогал Бекмурзе. Значит, кто-то видел ситуацию и «стуканул» младшему лейтенанту.

– А кто убил его?

– Кого? – Бекмурза сделал удивлённые глаза.

– А-а... – обречённо махнул рукой Идрис и пошёл к своей машине.

С заднего сиденья «уазика» басовито залаял громадный белый пёс, стараясь высунуть морду в чуть приоткрытую оконную форточку. Но морда для такого отверстия была излишне широка, а сама форточка открывалась в другую сторону, и пёс, стараясь открыть, наоборот, закрывал её, защемляя собственный нос.

Младший лейтенант милиции Идрис Дударков держал трёх кавказских овчарок, но с собой постоянно возил только одну – белую, считая её единственной в своём питомнике достаточно социализированной.<sup>4</sup>

– Что ты? – в спину младшему лейтенанту спросил капитан.

– Всё равно он ничего не скажет, даже если видел... – через плечо ответил Дударков. – Здесь никто ничего не скажет...

– Вот что, тракторист... – сказал долговязый и кривоносый старший лейтенант. – «Мобила» у тебя есть?

– Есть... – сказал Бекмурза.

– Номер скажи... Вопросы будут, мы позвоним...

Тракторист номер назвал без запинки. Старший лейтенант тут же быстро набрал его в память своей трубки и долго набирал имя, хотя и с этим справился. Бекмурза, со свойственной ему наблюдательностью, сделал вывод, что у старшего лейтенанта со зрением проблемы. Более крупные цифры он видит нормально, а вот в мелкие буквы на клавиатуре ему приходится всматриваться, прищуривая глаза, – дальноркость...

– Кати... – козырнул капитан, заметив, что обыск трактора закончился безрезультатно.

Бекмурза заскочил в кабину и оттуда уже приветливо помахал рукой «краповым». Со стороны казалось, что он был несказанно рад этой встрече.

В действительности Бекмурза был слегка рад, что умудрился и в этой ситуации получить информацию. И, только отъехав за поворот, достал трубку, чтобы доложить ситуацию Медведю и предупредить, что в эту сторону едут «краповые» вместе с младшим лейтенантом Дударковым. Тот, конечно же, с собакой... Полюбоваться тем, чем полюбоваться хотели, потому что они уже знают, что случилось с Алхазуром Чочиевым...

---

<sup>4</sup> В стандартах российской кинологической федерации оговаривается, что кавказская овчарка не может иметь белую окраску. Тем не менее белые кавказские овчарки разводятся в Казбекском районе Грузии и не являются редким исключением в своей породе. Социализация собаки – способность собаки адекватно ситуации вести себя среди людей и среди других собак, подчиняться хозяину и чётко выполнять все команды, не проявляя излишней агрессивности, не терять самообладания и профессиональных навыков в незнакомой обстановке.



Но почему обязательно нужно было доставить на место происшествия собаку, как хотелось Берсанаке, – этого Бекмурза не знал. Тем не менее радовался, что мент с собакой появились, где им следовало появиться, и без его стараний...

## Глава вторая

### 1

Капитан Матроскин не стал снимать с наблюдения всю свою группу, что оставило бы сразу несколько троп и дорогу без присмотра, чего капитан допустить не хотел, поскольку конкретной версии и конкретного объекта плотной плановой отработки группа не имела, и следовало одновременно все варианты рассматривать, чтобы не упустить единственно возможный, если он будет, и при этом суметь распознать и выделить хотя бы приблизительно вероятный из множества сопутствующих и вероятному уделять большее внимание, не будучи при этом уверенным, что это вариант правильный.

Матроскин взял с собой только двух опытных солдат и снайпера старшего прапорщика Соловейко, зная великолепное умение старшего прапорщика маскироваться и вообще доверяя ему больше даже, чем офицерам своей группы, поскольку их двоих связывала дружба со школьной скамьи. Кроме того, при любом подробном исследовании объекта тепловизор в оптическом приборе снайпера может быть незаменимым. Ну, и вообще было грех держать в запасе человека, вооружённого винтовкой «Харрис», дальность эффективной стрельбы которой составляет полтора километра. Пусть это и младшая, и самая слабая винтовка в семействе «Харрисов»,<sup>5</sup> она одна, при определённом раскладе сил, способна решить исход операции и достать противника, которого не может достать другое оружие. И, конечно же, таким небольшим составом можно было не только быстро пробраться к ферме, куда, видимо, так спешно и направлялся трактор, но и, что особенно важно в проводимой операции, пробраться точно уж не замеченными для случайного взгляда со стороны, что сложно было сделать более крупным численно составом. Обычно руководство всегда настаивает на проведении операции крупными силами, несправедливо считая, что крупные силы – это залог успеха. Когда работают грамотные и хорошо обученные специалисты, они малым составом справляются с задачей лучше и эффективнее, хотя, безусловно, и менее эффектно. А руководству часто именно эффекты нужны, чтобы было о чём докладывать и за что получать поощрение в той или иной форме. Кроме того, операция большими силами уже выглядит солиднее, следовательно, говорит командованию об опыте планирующих её. А уж результат – дело второстепенное. Однако спецназу нужен был именно результат, и потому он предпочитал всегда обходиться малыми силами.

Поскольку и капитан Матроскин в большое руководство не пробился, он тоже предпочитал малыми силами действовать так, как действовать умел, и без сомнений пересёк со своими сопровождающими два лесистых пригорка, ни разу не заглянув в карту, которую уже давно запечатлел в памяти, миновал дорогу по небольшому, им же самым выбранному кольцу, чтобы не попасть на снежный наст и не оставить следов, и вышел к той самой ферме сразу в месте, откуда открывался отличный обзор в две стороны – на саму ферму и на дорогу. Маленький марш-бросок, всего-то километров в пять, не больше, кажется, не стал ни для кого открытием, и даже огненно-рыжие волосы капитана, прикрытые, как обычно, косынкой, но всё же выглядывающие на висках, не привлекли лишнего внимания.

Звук тракторного двигателя группа слышала ещё при переходе дороги, осознанно рисковала, поскольку трактор должен был вот-вот появиться в пределах визуального наблюдения, и потому дорогу переходили стремительным рывком от кустов к кустам. Успели... А потом

---

<sup>5</sup> Крупнокалиберная снайперская винтовка «Харрис Дезерт Рейнбоу», калибр 12,7 мм, отличается от других КСВ «Харрис» почти вдвое меньшим весом – всего 6,3 кг, но за счёт этого проигрывает в дальности стрельбы около полукилометра.

звук постоянно догонял их, но догнать не сумел. Более того, группа даже успела найти и занять удобную позицию для наблюдения ещё до того, как трактор появился из-за ближайшего поворота. Здесь когда-то, видимо, шли бои, и среди густых кустов зияла круглая и глубокая, чуть не в человеческий рост, яма от взрыва мощного артиллерийского снаряда. Лучшего наблюдательного пункта было не придумать. Оставалось наблюдать. Но ехал трактор довольно медленно, размещивая колёсами жирный и вязкий чернозём долины, хотя до этого лейтенант Черкашин докладывал, что трактор движется на максимальной для него скорости, и потому Матроскин первоначально опасался опоздать к моменту появления тракториста на ферме. Однако медлительность трактора стала понятной, как только капитан поднял бинокль. Тракторист разговаривал с кем-то по мобильнику, а удержать руль на скользкой дороге одной рукой при высокой скорости было проблематично.

– Интересно, с кем он так оживлённо беседует? – спросил капитан Матроскин скорее самого себя, чем кого-то.

– Прослушать разговоры не мешало бы... – согласился старший прапорщик Соловейко. – Я месяц назад в каком-то киоске в Москве видел комплект аппаратуры для прослушивания разговоров, дистанция до пятидесяти метров. Интересно, почему ревнивые мужья имеют возможность с такой аппаратурой работать, а мы, которым это необходимо, не имеем...

– Купил бы себе... – посоветовал в эфире лейтенант Черкашин. – Мы бы все были тебе очень благодарны...

– Черемша, ты на связи? – удивился Матроскин.

– Здесь нормально слышу... Когда вы в пути были, слышал только временами...

– Нормально... Что у тебя?

– Муромец вернулся... Транзит ушёл на свою позицию... Около тела не наделили... Но к убитому кто-то уже подходил. Транзит нашёл два отпечатка следа. Протектор импортной обуви... Отпечаток явственный... Башмаки крупные, должно быть, оставлены человеком ростом намного выше среднего...

– Была бы фотокамера, сделал бы снимок, – вмешался в разговор старший лейтенант Виктор. – Но я при случае и без камеры узнаю... Запомнил... На подошве правого отпечатка сбоку есть характерный порез...

– Транзит, давно тебя не слышал... – обрадовался капитан, что связь установлена внутри всего отряда. К сожалению, не было связи только с основной группой самого Матроскина, но эта группа устойчиво сидела на позиции и занималась только наблюдением.

– Так что там с трактором? – проявил любопытство Черкашин.

– На подходе... Наблюдаем...

– А есть возможность разговоры тракториста прослушать?

– Если номер узнать...

– Каким манером?

– Внаглу...

– Выйти и по-свойски попросить трубку, чтобы позвонить тебе? Это предлагаешь? – спросил в ответ Матроскин.

– Зачем, командир? Можно и аккуратнее...

– Говори...

– «Краповых» послать. Из села... Пусть проверят тракториста и заодно труп осмотрят...

И номер между делом выяснят...

– Понял... Годится... – согласился с подсказкой капитан. – Звоню Стропилину...

Вытащить трубку и набрать номер – дело нескольких секунд. Стропилин ответил сразу, словно звонка с трубкой в руках ждал.

– Товарищ подполковник...

– Слушаю, Серёжа... Есть новости?

– Мелкие... Есть просьба. Большая... Свяжитесь с «краповыми», пусть в нашу сторону срочно двинут по дороге патруль. Труп в их распоряжение, и ещё узнать бы номер трубки тракториста и взять на «прослушку». Можем мы спутник задействовать?

– Можем... Есть необходимость?

– Только как вариант, в отсутствие других вариантов... У нас есть труп, есть характерный след рядом с трупом – кто-то интересовался, похоже, результатами своего труда. И есть подозрение, что кто-то послал к убитому убийцу... Предположительно это мог сделать тракторист... Конкретных фактов пока не имеем...

– Это хуже, когда нет конкретных фактов... Мне нечем апеллировать, если спросят про необходимость... Но если уже есть труп, это может сыграть... Мы первоначально обговаривали возможность включения в операцию управления космической разведки. Я позвоню «краповым»... И попытаюсь через начальство договориться с руководством управления космической разведки на случай появления номера... Самого меня туда, сам понимаешь, не пускают, потому что-то конкретное обещать не могу. Это всё?

– Всё. Но это срочно...

– Понял. Работайте...

\* \* \*

Тракторист тем временем разговор благополучно закончил, трубку убрал и начал приговаривать, посылая трактор на покорение уже наезженной им же самим колеи, что на определённых участках дороги можно было приравнять к холодящему душу подвигу. При этом старший прапорщик Соловейко рассматривал тракториста сквозь мощный прицел своей импортной винтовки и сделал свои выводы:

– Капитан, у меня мнение складывается, что он нас увидел...

– Мне лично было бы это очень обидно... – заметил Матроскин и поднял бинокль, чтобы лучше рассмотреть тракториста. – С чего такие суровые предположения?

– Несколько раз в нашу сторону смотрел. И, мне показалось, старается так смотреть, чтобы это со стороны незаметно было.

Капитан долго держал бинокль в напряжённой руке, чтобы естественное неустойчивое положение не помешало рассмотреть лицо тракториста как следует. Прицел винтовки в этом случае даёт выигрыш не только в расстоянии, но и в качестве разглядывания.

– Нет, не могу определить... Хотя... Вот... Может быть... Но уверенности у меня нет... Я бы даже сказал, что он смотрит куда-то дальше, за нас...

– Возможно... – согласился старший прапорщик, – с такого расстояния трудно определить, куда он смотрит... Но взгляд куда-то он бросал... Это точно... Можно предположить, что-то позади нас есть... Он выше смотрит... Сейчас я разобрал... Посмотрим сами, что будет дальше...

Смотреть им пришлось недолго, и дальнейшие события показали, что тракторист их не видел. Если бы спецназовцы попались ему на глаза, то он, несомненно, не стал бы у них на виду прятать автомат. А он автомат спрятал под наполовину сломанную бетонную плиту и сбоку заложил свой тайник камнями. Потом ладони отряхнул и спокойно, почти весело запрыгнул к себе в трактор. Двигатель с новой силой заголосил на низких октавах, и трактор тронулся в обратный путь. Снова на высокой скорости и разбрызгивая за собой во все стороны грязь...

– Что он имеет автомат, это мы уже знали... – начал вслух размышлять капитан Матроскин. – Можем допустить, что по пути домой кто-то позвонил трактористу и сообщил, что в селе проходит «зачистка». Поэтому не вижу ничего необычного в возвращении трактора на развалины фермы. Любой на его месте пожелал бы спрятать автомат до лучших времён... Остаётся

решить, есть у нас основания следить за парнем только потому, что он, как все здесь, имеет оружие? Или не стоит тратить на него время?

– Несколько разговоров по телефону... – напомнил лейтенант Черкашин.

– А в чём здесь криминал? – не понял капитан.

– Труп, оставшийся после беседы с трактористом... – добавил старший лейтенант Викторов.

– А ты, Родион, видел, как тракторист послал кого-то убить Алхазура Чочиева? – снова последовал охлаждающий пыл вопрос. – Или слышал его телефонный разговор?

– Подозрительные взгляды в сторону... – напомнил старший прапорщик Соловейко. – Почти в нашу сторону смотрел, но не в нашу... Мне сейчас, задним числом, кажется, что он смотрел с опаской... Правда, расстояние слишком велико, и фантазия может играть...

– Остаётся встать и самим сходить в ту сторону, куда он смотрел... – заметил Матроскин. И сразу сообразил, кому следует вставать и идти. – Соловейко... Твоя работа... Поднимись выше и полюбопытствуй... Твой прицел даст такую возможность...

От прицела с тепловизором в полевых условиях трудно спрятаться. Каждое живое тело обладает таким запасом тепла, что чуткий прибор улавливает его даже сквозь кусты. А если человек за камнем спрячется, то тепловое облако может и из-за камня высовываться. Точно так же, если кто-то в яму спрячется, – тепло будет кверху тянуться и в состоянии человека выдать. Стрелять, конечно, можно только сквозь кусты, но не через камень. Однако вечно сидеть за камнем никто не в состоянии. Обязательно высунется. На этом его можно и поймать.

Впрочем, в той ситуации, в которой работали спецназовцы, даже сквозь кусты стрелять необходимости не было, потому что неизвестно, в кого стрелять будешь. Но удовлетворить любопытство оптика с тепловизором в состоянии, и грех было не пользоваться прибором, если он есть в наличии.

Старший прапорщик молча стал выбираться из укрытия. Его лоскутковый, на куст похожий маскировочный халат полностью скрывал очертания человеческого тела даже тогда, когда снайпер в полный рост вставал. А если уж передвигался пригнувшись, то вообще со стороны казалось, что это какой-то куст на ветру колышется. Место, куда Соловейко направился, капитан определил сразу – вершина холма, на склоне которого спецназовцы нашли укрытие. Конечно, это не господствующая высота в округе, но оттуда можно уже более явственно рассматривать и соседний более высокий холм, на который, возможно, и смотрел тракторист.

Но долго наблюдать за передвижениями старшего прапорщика Соловейко капитану Матроскину не дал виброзвонок трубки. Определитель показал номер подполковника Стропилина.

– Слушаю вас, товарищ подполковник...

– Серёга, срочно и серьёзно – ты на конкретный след вышел, зубами цепляйся... – сразу сообщил Александр Алексеевич. – Тракторист – владелец сельского магазина Бекмурза Бисолатов. По всей вероятности, он связной Берсанаки Гайрбекова. «Краповые» Бисолатова установили, узнали номер трубки и сразу передали нам. Спутник включился вовремя. Этот Бекмурза как раз разговаривал с Гойтемиром и предупреждал, что к телу Алхазура Чочиева едут «краповые» и участковый с собакой. Обрати внимание на то, что вопрос собаки прозвучал особо. Бекмурза дважды повторил, что участковый со своей собакой. Возможно, это что-то значит. Мы успели выяснить. У местного участкового младшего лейтенанта милиции Идриса Дударкова несколько кавказских овчарок. По двору бегают без привязи. Участковый боится, что на дом нападут, и хотя бы таким образом старается себя обезопасить. Одна собака у него всегда с собой в машине. Гойтемир тоже про собаку переспросил отдельно. И, кажется, очень этим фактом озаботился...

– Понял, товарищ подполковник... Берём Бисолатова в плотную разработку...

– Сам Бисолатов и Гойтемир, вернее, sim-карты их трубок, находятся под постоянным контролем спутника. Все передвижения отслеживаются...

– Понял...

Дело начало приобретать конкретные очертания, а это уже легче. По крайней мере знаешь, что от тебя требуется, хотя первоначально не знаешь, что тебе следует предпринять. Перед тем как узнаешь, что тебе следует предпринять, надо ещё провести большой объём сбора разведанных. Но это дело привычное и знакомое...

\* \* \*

Едва капитан Матроскин успел ввести в курс дела своих офицеров, работающих в разных направлениях, подал сигнал тревоги старший прапорщик Соловейко.

– Внимание! Внимание! Вижу человека... Спускается с сопки. Двигается в сторону села, но на дорогу выходить, кажется, не собирается. Идёт параллельным курсом... Там чуть в стороне старая утоптанная тропа к дороге спускается. Идти тропой не желает... Много петляет... Непонятно движется, хотя кажется, что спешит... Скорее всего, старается выбирать участки без снега... Чтобы не наследить... Хотя по мокрой земле тоже наверняка наследит... Неразумно...

– Внешность? – сразу сделал запрос капитан Матроскин.

– Местный... Кавказец... Стопроцентно... Высокий, сухощавый, немолодой... С собой имеет автомат Калашникова и большой боевой нож в ножнах на бедре. Пистолет если и есть, то под курткой не видно...

– Гойтемир? – напрямую спросил старший лейтенант Виктор, пытаясь выдать желаемое за действительное и откровенно торопя события, стремясь вогнать их в то русло, которое наиболее соответствует поставленным целям.

– Именем я, товарищ старший лейтенант, не поинтересовался... – слегка сердито ответил старший прапорщик Соловейко. – Виноват, товарищ старший лейтенант... В следующий раз категорично исправлюсь...

– Выходим в обхват... Предельная осторожность... – распорядился капитан и первым начал выбираться из укрытия между кустами. – Тенор, идёшь последним, контролируешь ситуацию, в том числе и у нас за спиной...

– Понял, – коротко отозвался старший прапорщик, так и не оторвав взгляд от прицела.

– Аврал, нам задачу поставишь? – спросил старший лейтенант Виктор.

– Продолжайте наблюдение. Кто вам сказал, что это Гойтемир? Или думаете сразу Берсанаку за хвост поймать? У медведя хвост короткий, а задница сильная. Ухватишь – не всегда удержишь...

С того места, где капитан Матроскин выбрался из укрытия на склон холма, обзор был только в две стороны, которые группа контролировала и ранее, – в сторону дороги и в сторону фермы. И, конечно же, не было видно человека, за которым следил старший прапорщик Соловейко. И потому, чтобы сразу сориентироваться, капитан двинулся вверх по склону туда, где старший прапорщик устроился. Подъём местами был настолько крут, что пришлось забросить автомат за спину и двумя руками цепляться за корневища кустов, стараясь захватить в ладонь как можно больше сухих по времени года стеблей. Но в целом подъём прошёл успешно и беззвучно. Даже Соловейко обернулся только в последний момент, а до этого передвижения своего командира и не слышал.

– Всё нормально?

– Слежу...

– Где?

Старший прапорщик показал кивком головы направление. Капитану пришлось слегка потянуться, чтобы приподнять голову из-за нескольких удобно сложенных природой камней, и только тогда он увидел вдалеке фигуру человека, спускающегося по склону.

– Откуда идёт, как думаешь?

– Трудно сказать... Сверху...

– Вот-вот... Это мне и хотелось знать... С самого верху или нет? С вершины? Или, может быть, просто поднялся на склон с другой стороны и так идёт... Это важно... Начало его движения не видел? Есть другой путь, без подъёма?

Старший прапорщик на такое обилие связанных между собой вопросов только плечами пожал. Он поднялся, когда уже не было видно, откуда появился человек, а идти он мог откуда угодно. Он вообще мог идти с противоположной стороны, а потом по какой-то причине предпочёл вернуться. Но этот вариант, как наименее вероятный, можно было и не принимать во внимание, а остановиться на других. Сама вершина холма, как обычно, освободилась от тающего снега первой, и потому издали рассмотреть следы невозможно даже через прицел снайперской винтовки.

Капитан раскрыл свой планшет, чтобы заглянуть в карту на тот её участок, которым он раньше не интересовался. Повернулся к карте и Соловейко, совмещая то, что видел воочию, с тем, что было изображено на карте. Плоское изображение с объёмным расхождением, по сути дела, не имело, и старший прапорщик показал пальцем, где, на его взгляд, можно было бы пройти ещё. Но даже палец совершил заметный круг по карте, а человеческим ногам, измеряющим расстояние по склону холма, этот круг тем более заметен.

– Два варианта... – предположил Матроскин. – Или он спускается с вершины, или идёт напрямую, потому что в низине идти трудно. Во-первых, снег лежит, во-вторых, это большой круг... Мы выходим в преследование, ты отслеживай вершину. Может быть, там берлога Медведя, и тогда они постараются своего прикрыть...

– Или накрыть... – предположил старший прапорщик. – Парой очередей...

– Или накрыть... – согласился капитан. – Чтобы нам только труп достался. Ты уж постарайся сделать так, чтобы они не высунулись, если они всё же есть...

– Накрыть и вас могут...

– Могут... Уважь командира и прикрой ему спину...

– Аврал, помощь нужна? – поинтересовался в эфире лейтенант Черкашин.

– Нужна была бы, если бы ты дельтаплан дома не забыл... – отозвался Матроскин. – А без полёта вы всё равно не успеете... Вам минут сорок до нас бегом добираться... За это время всё кончится...

Обучение спецназа полётам на мотодельтаплане только-только началось, причем не на временной базе батальона, а на стационарной бригадной базе, где был сформирован специальный отряд дельтапланеристов. Лейтенант Черкашин начал проходить теоретический курс обучения, но закончить его и перейти на курс обучения практического помешала срочная командировка.

– Черемша... Пошли своих мальчишек, чтобы с «краповыми» около трупа встретились. Чтобы мы в курсе событий были... Пусть сразу связь устанавливают. Сам позвони подполковнику Стропину, он тебе даст номер командира «краповых», чтобы в курсе был. И проинструктируй как следует... За мной...

Последняя команда капитана была произнесена тихо и уже относилась, понятно, не к лейтенанту Черкашину и его бойцам, а к солдатам, покинувшим наблюдательный пункт вслед за командиром и догнавшим его только на склоне. Матроскин, пригнувшись на случай наблюдения сверху, двинулся вперёд, солдаты без остановки – за командиром, и только старший прапорщик Соловейко лишь сменил позицию, повернув прицел в сторону вершины сопки, и начал методично, участок за участком, внимательнейшим образом обследовать всю зону своей ответственности.

Внешне вершина холма выглядела вполне обыденно и ничем не отличалась от других точно таких же вершин. И так же, как с других вершин, здесь снег поверху стоял, и так же,

как на других вершинах, по склонам сползают языки обнажившейся прошлогодней травы с первыми признаками свежей травы нынешнего года.

Трава при взгляде сквозь тепловизор тоже имела собственное свечение. Прошлогодняя почти никак себя не показывала, а свежая давала лёгкое облако тепла, заметное только тому, кто знает, что искать. Старший прапорщик Соловейко знал. Он был снайпером опытным и всегда много внимания уделял мелочам, совершенно непонятым людям, даже опытным боевым офицерам, но впервые взявшим в руки снайперскую винтовку, тем более имеющую прицел с тепловизором.

Поскольку на вершине холма не стояла пулемётная точка, обложенная мешками с песком, присутствие людей там было возможно только при двух раскладах. Согласно первому, они просто лежали, как на боевой позиции, и старший прапорщик, имеющий более нижнюю позицию, не видел их за неровностями склона. Но в этом случае над самим холмом в месте, где люди облюбовали себе позицию, обязательно было бы лёгкое свечение воздуха, и тепловизор никак не мог бы оставить это свечение без внимания даже при достаточно сильном ветре, которого сейчас, кстати, не было. А лёгкий ветерок неспособен был сразу прижимать тепловое излучение к земле и уносить в сторону от взгляда чуткого прибора.

Согласно другому раскладу, под вершиной холма могло находиться старое, давно подготовленное убежище, выгодное тем, что имеет хороший обзор во все стороны. Это убежище могли подготовить здесь ещё в те времена, когда в республике шли плотные боевые действия, могли даже установить бетонные перекрытия поверху, сквозь которые тепловое излучение проходить не будет. Таких убежищ спецназовцы находили множество, и вполне возможно было бы обнаружить такое и на вершине холма. Но при этом можно наблюдать и другие явления, поиском которых старший прапорщик и был занят. Тепло человеческого тела, соприкасаясь с прохладным атмосферным воздухом, будет создавать инверсионные процессы. Каждое убежище обязательно должно иметь смотровые отверстия и вентиляцию. И через них должно выходить тепло. Единственное, что могло помешать Соловейко определить убежище и людей в нём, – это открытый выход, расположенной с противоположной стороны холма, вполне вероятно даже, что в нескольких метрах от самого убежища. Но всё же теплоотдача травы старшего прапорщика заинтересовала. По склонам трава тепла выделяла больше. Это могло говорить, что на вершине в самом деле убежище с бетонным перекрытием, и бетон мешает траве расти. Но вместо бетона там могли с таким же успехом оказаться камни, а они создают точно такой же эффект.

– Тенор, что у тебя? – спросил капитан Матроскин.

– Ничего подозрительного... Но это не значит, что там никого нет. Кто-то может в укрытии залечь так, что «светиться» не будет. Поэтому гарантии не даю...

– Ладно... Следи за объектом. Но время от времени холм всё же осматривай...

Объект был виден даже невооружённым глазом, и прицел легко поймал его. Человек шёл уже проложенным ранее следом, им же самим проложенным или кем-то другим, но тот след вёл к месту гибели Алхазура Чочиева. Но скоро человек остановился на пару секунд, задумался и свернул резко в сторону. И начал движение в обход ближайшего холма.

– Аврал, я – Тенор... Слышишь?

– Слушаю тебя...

– Объект резко в сторону свернул. Если так и будет идти, я через пять минут его из вида потеряю. Он за холм зайдёт...

– Я понял. Мы по следу не пойдём, мы через лесок и обойдём холм по большой дуге, чтобы в тыл ему выйти. Может, он на сам холм желает забраться?

– Тогда не по ближнему склону.

– Понятно... Ближний склон будет «краповым» виден. Значит, он идёт наблюдать за «краповыми»... Если, конечно, на холм полезет... Там мы его и возьмём... Следи за вершиной.



Если он там будет, мы его не выпустим. В крайнем случае, выгоним тебе под выстрел. Если он дальше двинет, я тебе сообщу, и пойдёшь нас догонять. Но это будет значить, что он к убийству отношения не имеет...

– Понял, работайте...

## 2

Берсанака отдал трубку мобильного Гойтемиру. Тот аккуратно вставил её в жёсткий чехол, который носил чуть повыше левого локтя. Удобное место – при звонке трубку легко достать.

– Я пойду, полюбуюсь... – не дожидаясь приказа, сказал Гойтемир, хорошо знающий, что Берсанака и без того пошлёт именно его. Хотя бы просто потому, что больше послать некого. Не пойдёт же он сам и не пошлёт же Дока, у которого нога чуть не до кости прокушена собакой и рана только-только начала затягиваться за несколько дней отдыха здесь, в старом блиндаже.

– Поспешите, менты уже торопятся...

– Я успею. Я знаю, откуда смотреть. Далековато, правда... Но я всё рассмотрю. Бинобль твой дай... Твой лучше...

Берсанака взял с полки под окном камуфлированный футляр с биноклем и молча протянул Гойтемиру. Тот легко пристроил футляр в боковой карман разгрузки. Карман был специально перешит, чтобы из трёх отделений, предназначенных каждый для пары автоматных рожков, сделать одно большое, куда можно что-то необходимое положить. Автоматные рожки можно с другой стороны носить, и этого хватает. Гойтемир не имеет обыкновения воздух расстреливать, и большой запас патронов ему не нужен. А если уж патроны понадобятся, их можно у любого местного жителя позаимствовать.

– Жалко, что не успели аккумулятор к камере подзарядить... – вздохнул Док Доусон.

Если телефонные аккумуляторы были ещё вполне в рабочем состоянии, то аккумулятор для видеокамеры сел совсем, а запасной отдали на зарядку Бекмурзе Бисолтанову и собирались забрать только вместе с запасными телефонными. А снять процесс на видеокамеру было бы очень неплохо для дальнейшего предоставления материала в лабораторию к разработчикам препарата и руководству для дополнительного финансирования. Такая задача была поставлена, но выполнить её полностью пока не удалось.

– Люк не закрывай... – потребовал Берсанака. – Душно...

Кивнув, Гойтемир спустился по ступеням к выходу и оставил люк бункера открытым, о чём сразу сообщил лёгкий сквознячок. В единственное незастеклённое окно Берсанака проводил своего давнишнего и верного помощника взглядом, сразу давая оценку умению Гойтемира ходить, почти не оставляя следов. Гойтемир всегда предпочитал сделать большой круг, чем лишний раз шагнуть по снежному насту. След на подтаявшем насте остаётся глубокий и чёрный, и видно такой след издали. Просто наблюдательный человек и тот заинтересуется. А уж про тех, кому по долгу службы положено быть наблюдательными и замечать такие следы, и говорить не приходится. Те же «волкодавы» из состава «краповых», заметив такой след, прочно сядут «на хвост», и оторваться от них будет трудно. Тем более что Док Доусон долго и быстро ходить пока не может. Вообще-то он даже бегать может – потому что сам по себе мужик крепкий, подготовленный, и с настоящим характером, умеющий не замечать боль, но и бежит совсем недолго. Очень быстро от напряжения мышц и пульсации крови вскрывается рваная рана на ноге, и требуется срочная перевязка, которую на ходу сделать невозможно. А какой-то медицинский препарат, что Доусон шприц-тюбиком вводил себе в вену для повышения сворачиваемости крови, с такой раной не справляется. Её и зашить-то толком не удалось. Пёс хватанул Дока и сразу головой мотнул, вырвав целый кусок мяса. В соревнованиях бойцовских собак, которые Берсанака всегда и в любой стране, где бывал, любил смотреть,

такому псу цены бы не было. Другие собаки чаще просто кусают или придавливают, хотя и сильно, некоторые, вцепившись, просто треплют, а этот использует мощную шею и попросту рвёт жертву. И жалко было такую собаку убивать, но застрелить пришлось, чтобы спасти Дока. Иначе кавказский волкодав<sup>6</sup> прикончил бы его, упавшего, так и не дав подняться. Берсанака дал только одну очередь, достаточно рискованную, если задуматься, потому что можно было и в Дока Доусона попасть, но стрелял он вовремя, потому что пёс уже прицеливался для следующего молниеносного броска.

Если Гойтемир оставит следы и эти следы кто-то увидит и сумеет прочесть, дело плохо. С Доком оторваться от преследования будет достаточно трудно. И избавиться от него никак нельзя, потому что именно он является главным действующим лицом во всей этой истории, помимо того что считается и официальным руководителем отдела разведцентра, в котором Берсанака служит. А Берсанака с Гойтемиром только сопровождают Дока Доусона на испытаниях препарата. Конечно, если что случится, чтобы себя спасти, Доком придётся пожертвовать. И, если придётся выбирать, кем жертвовать, Берсанака без раздумий оставит с собой верного Гойтемира. Но это лишь гипотетически допустимый вариант. Для своего будущего и для дела необходимо Дока сохранить, несмотря на его ранение. Да и сам он, думается, не из тех парней, что позволят себя ликвидировать. Док Доусон лучше других знает всю подноготную Гайрбекова и понимает, чего от своего проводника можно ожидать. Как опытный профессиональный разведчик, полковник ЦРУ, он наверняка постоянно настороже. Не случайно, только кто-то пошевелится ночью, Док сразу открывает глаза. И Берсанака был уверен, что в руке под курткой американец всегда держит пистолет с патроном в патроннике. Стоит только совершить одно короткое движение большим пальцем, предохранитель опускается в боевое положение, потом пошевелить вторым пальцем – указательным, и, пробив куртку, вылетит пуля в того, кто попытается что-то против полковника предпринять. И в переходе он всегда старается идти замыкающим. Идти замыкающим – это большая ответственность, потому что замыкающий обязан смотреть, не оставили ли следов идущие впереди. Но Доусон и это умеет хорошо. И прекрасно знает, что замыкающий никогда не получит пулю в спину. Но при этом, даже имея большой боевой опыт и прекрасное обучение, американский разведчик не знает, с какой скоростью умеют вскидывать ствол и Берсанака, и Гойтемир. А если они стреляют, то не промахиваются. Редко промахиваются, по крайней мере. И, если понадобится... Но лучше бы не понадобилось...

– Он хоть сумеет всё правильно описать? – с некоторым беспокойством, зная молчаливый нрав и лаконичный язык Гойтемира, спросил Док Доусон.

– Он сумеет выделить и рассказать главное, – гарантировал Берсанака. – А описывать всё будешь ты сам...

– Самому бы посмотреть... Вот же, проклятая неосторожность...

Препарат, который они должны были испытывать, содержался в аэрозольной упаковке. Когда заело колпачок баллончика, полковник сам взялся ремонтировать его. И случайно брызнул себе на штанину. Влажное пятно высохло через пять минут, и все забыли про него. И только на следующий день, когда они входили в село к своему человеку, чтобы провести у того ночь, откуда-то выскочил белый кавказский волкодав и без всякого лая, без предупреждения бросился на Дока. И только реакция Берсанаки спасла полковника Доусона от больших неприятностей. Но после стрельбы в село входить было нельзя. Да и кто знает, как поведут себя другие собаки... Никто не сомневался, что именно неосторожность Дока сыграла с ним такую злую шутку. Собаки от запаха препарата должны с ума сходить от ярости и набрасываться на

<sup>6</sup> Кавказский волкодав – сравнительно новая порода собак, выведенная специально для собачьих боёв путём скрещивания кавказских овчарок с самыми крупными представителями породы питбулей. Начинает быстро распространяться на Северном Кавказе.

любой предмет, даже на камень, на который из аэрозольного баллончика брызнули. Док знал это, но вовремя не выбросил испорченные камуфлированные штаны...

\* \* \*

Посмотреть со стороны, Гойтемир шёл быстро. Хотя для него самого такая походка была явлением естественным и более короткий шаг казался бы уродливым топтанием на месте. Будучи уже второй десяток лет в постоянной боевой готовности, он давно разучился ходить прогулочным шагом. И даже бывая в городах, где люди далеко не всегда спешат, а часто, даже при необходимости передвигаться быстрее, шествуют чинно, солидно, что свойственно восточным людям, Гойтемир выделялся стремительностью движений. Он вообще не понимал, что такое прогулка, и если шёл куда-то, то только по необходимости.

А уж в родных горах, да ещё когда вокруг обстановка, сулящая постоянные опасности, он предпочитал не задерживаться, чтобы не дать кому-то возможности качественно прицелиться. Тем не менее Гойтемир никогда не торопился настолько, чтобы забыть о других мерах безопасности. Таких, как неоставление следов. И потому смотрел с высоты своего роста далеко вперёд, заранее выбирая направление, чтобы потом не возвращаться, и заранее обходил места, где снег ещё не растаял. А снег таял по какой-то непонятной системе, выбирая участки вроде бы ничем не примечательные. Может быть, земля там была более тёплой, потому что под землёй были какие-то тёплые минералы, может быть, земля в этих местах лучше влагу впитывала, может быть, трава здесь была другая. Но на склоне холма, вроде бы везде одинаковом по уровню, проталины от вершины спускались языками, оставляя ниже совсем подтаявшей вершины целые снежные полосы, местами плавно сомкнутые между собой. И именно такие места, где проталины прерваны сомкнутыми снежными полосами, Гойтемир обходил, сворачивая в сторону. И так, постепенно, он слегка уклонился от направления. Но, спустившись, оказавшись в лесу, где снег лежал повсеместно, хотя и был таким же талым, он уже вынужден был следы оставлять, как оставлял их совсем недавно, когда выходил навстречу Алхазуру Чочиеву. Сначала Гойтемир в свой же собственный след ступил и половину пути до места убийства прошёл прямо. Но дальше так же идти было опасно, потому что путь начинался под уклон, лес был жиденьким и клочкастым, и если кто-то подойдёт к телу убитого Чочиева с другой стороны, то может увидеть и Гойтемира. И уж наверняка увидит, когда Гойтемир будет отходить.

И потому пришлось со своего старого следа свернуть и двинуться напрямик в сторону соседнего холма, откуда, как Гойтемир предполагал, ему будет прекрасно видно место убийства, к которому сейчас с другой стороны подбираются «краповые» и менты. При этом Гойтемир сделал свой широкий шаг ещё более широким, таким образом добавляя скорость, потому что ему предстояло и соседний холм обойти и подниматься на него сбоку, иначе его след останется на обращённой к «краповым» стороне, и если кто-то вздумает бинокль поднять, чтобы хотя бы место определить, откуда стреляли, что выглядит вполне естественным, то могут и пойти по следу Гойтемира. Конечно, след всё равно найдут и по нему пойдут. Но хотелось верить, что найдут его не сразу и дадут время, чтобы уйти на безопасное расстояние и позволить уйти также Берсанак с полковником Доком Доусоном.

Уходить следует в любом случае. Это ещё Берсанак решил сразу после того, как пришлось застрелить Алхазура Чочиева. Не зря Гойтемир застрелил его племянника. Микаил проболтался дяде, рассказал, где прячется группа, и Алхазур шёл напрямик туда. И неизвестно, кому Микаил ещё рассказал это, и неизвестно ещё, кому Алхазур мог рассказать... Место пребывания следовало менять, но сделать это можно только после наблюдения за действием препарата. Скорее всего, Берсанак примет решение уходить сразу после возвращения Гойтемира...

Поднимаясь на склон холма, откуда собирался вести наблюдение в бинокль, Гойтемир несколько раз оборачивался. Он не чувствовал преследования или какого-то взгляда со стороны, как другие, говорят, могут это чувствовать. Он просто привычно страховался. И ничего подозрительного не заметил. Да и не могли «краповые» оказаться у него за спиной, потому что они совсем с другой стороны подходят и направляются к телу Алхазура Чочиева. То есть не минуют его так быстро, чтобы проверить, откуда в Алхазура стреляли. Проверять они пойдут. Это сомнению не подлежит. Но Гойтемир работал аккуратно и следов не оставлял. Кроме тех, которые хотел оставить. Он даже стреляную гильзу не подобрал, чтобы его позицию обнаружили, на какое-то время застряли там и дали ему самому возможность правильно сориентироваться. А других следов мало. И уж, конечно же, не плясал на снежном насте. Правда, тот участок, где всё же по насту идти пришлось, хоть он и отстоит от места стрельбы на добрых семьдесят шагов, «краповые» обязательно найдут. И тогда поломают голову и снова время потеряют... Один след ведёт к ним навстречу, сверху второй след, который уже от них ведёт, потом, на середине, снова встречный след, который ещё и в сторону свернёт... Куда идти? Они пойдут, конечно, в сторону, потому что третий след все остальные перекрывает. А сам Гойтемир к тому времени уже поднимется на сопку к Берсанакке с Доком, и все вместе они двинутся к новому убежищу, заранее уже осмотренному на предмет пригодности тем же самым Гойтемиром...

\* \* \*

На вершине нового холма рос негустой лесок с многочисленными группами кустов. Гойтемир долго пристраивался, выбирая позицию для наблюдения. Ни одна из первых пяти опробованных позиций его не устроила – если не было препятствия сразу под носом, то дальше деревья вставали так, что частично закрывали видимость и мешали рассмотреть в подробностях то, что будет происходить рядом с телом Алхазура. Других позиций, обеспечивающих безопасность, на вершине просто не было. И потому пришлось уйти чуть дальше, не вперёд, где его можно было бы нечаянно заметить «краповым», а вбок, где и самому укрыться можно было без проблем и видимость была лучшей. Там Гойтемир устроился вообще с удобством, отыскав между кустов углубление, в которое мог сесть, и спину при этом привалил к большому камню. Здесь, подняв к глазам бинокль своего командира, он убедился, что видит и лежащего меж деревьев Алхазура, и всё вокруг него. Там, рядом с телом, снега не было. И Гойтемир, когда обильно брызгал на спину, на руки и на горло убитому из аэрозольного баллончика, не оставил следов. И сейчас хотелось, чтобы местный участковый Идрис Дударков прибыл вместе с «краповыми» побыстрее. Действие препарата Гойтемир видел пока только на самом Доке. Глупо тот попал, но у кого не бывает промахов. Сам теперь и расплачивается. А вот что будет с телом Алхазура – на это посмотреть интересно. Дударков хвастался, что его белый кавказец ходит по следу ничуть не хуже любой немецкой овчарки, несмотря на свой рост. Но, чтобы взять след, его следует сначала найти. Но до того, как след найдут, можно будет полюбоваться представлением...

Ещё стоял особняком попутный вопрос, который особо интересовал Дока Доусона, и полковник давал относительно этого вопроса отдельные рекомендации для наблюдателя, заранее зная, кто этим наблюдателем будет. Сначала к телу, разумеется, подойдут «краповые». Может быть, и младший лейтенант Дударков с ними, но ещё без собаки. Собаку он потом приведёт, когда попробует следы искать. Но до появления собаки тело будут переворачивать. Наверняка кто-то из «краповых» или даже Дударков заденет руками опылённые участки. Пусть на них попадёт минимальная доза. Но эта доза тоже должна быть раздражителем. Бросится ли собака на них? Бросится ли она на хозяина? Все эти вопросы можно было решить только опытным путём, и потому препарат привезли испытывать сюда, в Чечню, где Берсанакка и Гой-

темир обещали полный курс испытаний в обмен на несколько баллончиков самого препарата. Эти несколько баллончиков им выделили сразу. И применение препарата для своих нужд тоже входило в программу испытаний лаборатории ЦРУ.

Но теперь оставалось только ждать...

\* \* \*

Ждать пришлось недолго. Какой-то техномонстр, наверное, двигателем, как полагается монстру, нутужно урча, хотя издали этого не было слышно, шёл через лес в некрутую гору, придавливая молодые безлистные деревца и кусты и совершенно не замечая талого снега и мягкого чернозёма, в котором мог бы и трактор забуксовать. Сначала Гойтемир подумал, что это «Хаммер», который он несколько раз видел на территории американского разведцентра в Турции. Кажется, «Хаммер» приезжал с соседней военной базы. Но «Хаммер» размерами был поскромнее и не производил впечатления такой мощи, хотя ему тоже было мощи не занимать. Вездеход шёл вперёд уверенно и придерживался направления, ориентируясь на цепочку следов, оставленных первоначально Алхазуром, а потом кем-то ещё, как рассказывал Бекмурза. Следом за монстром двигался гражданский «уазик», но Гойтемир уже знал, что на этом «уазике» ездит местный участковый младший лейтенант Идрис Дударков. Колея у «уазика» была несравненно уже, чем у монстра, и потому он только одними левыми колёсами двигался по колее первопроходца, но этого хватало, чтобы путь осиливать и не застревать. Машины так и проделали полукруг, как вели их следы не прямо идущего Алхазура Чочиева, и остановились только в десятке метров от тела уже на бесснежной земле.

Гойтемиру машина очень понравилась, и она его заинтересовала больше, чем всё остальное, что там, в лесу, происходило. На такой машине в горной сельской местности можно где угодно проехать. Но что это за машина, он не знал. Тем не менее дела, ради которого он забрался на этот наблюдательный пункт, Гойтемир не забыл. Внимательно осмотрев машину, поцокав от зависти языком, он принялся осматривать людей, которые машину покинули. Это была, видимо, поисковая команда «краповых». Только один водитель вездехода был не в «краповом», а в чёрном берете, но это ничуть не меняло соотношения сил. Гойтемир отлично знал, что далеко не все бойцы спецназа внутренних войск носят краповые береты. Такой берет ещё заслужить надо. И с «краповыми» лучше не встречаться лицом к лицу, хотя бить их тоже можно. В полевых условиях «краповые» разве что «летучим мышам» уступают. С теми вообще лучше близко не стоять...

Тем временем «краповые», выгрузившись из техномонстра, почему-то не спешили приступить к быстрому осмотру, чтобы пойти по горячим следам, чем ввели наблюдателя в некоторое недоумение. Гойтемир даже подогнал их мысленно, и младшего лейтенанта Дударкова тоже, который из своего «уазика» вышел без собаки и не к телу двинулся, а остановился рядом с «краповыми». О чём-то совещались, словно кого-то дожидались. И дождались-таки... Из леса, откуда-то из-за машин, ранее не видимые для бинокля Гойтемира, вышли двое в военном камуфляже, на головах камуфлированные вязаные шапочки, а вовсе не «краповые» береты. Эмблемы рассмотреть возможности не было, но почему-то показалось, что эти двое никакого отношения к «краповым» не имеют. Поздоровались они сдержанно, даже руки друг другу не пожали. Вообще при взгляде со стороны встреча выглядела так, будто одни из них были подчинённые, другие – начальство. Но, поскольку разговора слышно не было, понять, кто из них начальство, было невозможно, а небритые лица мешали распознать возраст, хотя большой разницы заметно не было. Скорее всего, сделал вывод Гойтемир, это просто представители разных ведомств. Наверное, армейцы встретились с представителями внутренних войск. Но кто из армейцев может присутствовать в этих местах? Кроме спецназа ГРУ – некому... А такое соседство совсем не радовало...

Двое армейцев что-то объяснили или скомандовали «краповым», это заняло минуты три, и только после этого все вместе пошли к труп Алхазура Чочиева. Но и пошли странно, развернувшись веером, словно старались охватить как можно большее пространство для осмотра, хотя осматривать было нечего. Вообще, резонно было бы предположить, что тот человек, что стрелял в Алхазура, даже не подошёл, чтобы проверить результат своей стрельбы. Выстрел в голову, часть головы снесло. После таких попаданий в живых остаться невозможно. И нечего подходить и смотреть. Любопытство в период военных действий может быть наказуемо. Это аксиома, и знать её должен всякий, кто берёт в руки оружие. И никто не мог бы предположить, что Гойтемир подходил ради того, чтобы побрызгать на убитого из какого-то баллончика. Зачем? Никто про этот баллончик не знает...

Но «краповые» вместе с ментом и с военными начали обследовать всю территорию вокруг тела. И, кажется, что-то там нашли. Гойтемир не оставил следов. Он сам смотрел. Не должно там остаться ни одного отпечатка. Но они склонились над чем-то как раз в том самом месте, где он проходил. Неужели пропустил?.. Неужели шагнул неосторожно и протектор подошвы отпечатался? Не должно такого быть...

Но, кажется, так и было. Один из «краповых» вытащил из кармана небольшую фотокамеру, и несколько раз зарницей сверкнула вспышка. Отпечаток снимали... Это было неприятно, это походило на укор профессионализму Гойтемира, на такой укор, который ему вслух высказали, и он обозлился. До того обозлился, что испытал даже желание дать в сторону поисковиков несколько хороших очередей. Но со своими желаниями он всегда справлялся хорошо, иначе это был бы ещё больший провал в профессионализме диверсанта. Во-первых, слишком велико было расстояние для прицельной стрельбы, во-вторых, не для этого его послали сюда Берсанака с Доком. Но настроение испортилось...

– Вы толкаться там будете или работать начнёте... – с раздражением сказал Гойтемир вслух.

Никто ему, естественно, не ответил.

– У меня времени мало... Ведите быстрее собаку...

Его опять, конечно же, не услышали, тем не менее сами, видимо, пришли к выводу, что собаку пора привести. По крайней мере, младший лейтенант Дударков пошёл к своему «уазику» и раскрыл дверцу, выпуская большую белую собаку. Гойтемир любил собак и эту рассматривал с удовольствием и восхищением дольше, чем рассматривал людей. Но младший лейтенант повёл пса не к телу убитого, а к месту, где след обнаружили. Правда, собака носом тянула нервно и порывалась рвануть к Алхазуру, лежащему в стороне. Но её мог привлекать и запах крови, а вовсе не запах препарата.

Потом она на армейцев рывкнула, но строгий ошейник держал мощную шею так цепко, что невысокий и внешне не сильный Дударков управлялся с собакой легко. Можно было бы предположить, что именно армейцы тело перевернули лицом вверх, потому что раньше оно вовсе не так лежало. Кто-то перевернул... А «краповые» только-только успели к месту. И в этом случае армейцы испачкали руки препаратом, и именно потому собака на них рывкнула. Однако рывкнула она весьма вяло. И делать категоричные выводы Гойтемир права не имел, как не имел и такой привычки в принципе. Он всегда был старательным и пунктуальным человеком, ещё когда в школе работал и детей стремился к такой же пунктуальности приучить. И эта привычка прочно вошла в его жизнь – и особенно важной стала, когда он стал работать с Берсанакой. Берсанака такую черту характера ценил и доверял своему подчинённому полностью, никогда не проверяя за ним выполнение задания, как проверял за другими.

Собака след брать не захотела, хотя Дударков старательно тыкал её носом в землю. Она по сторонам глазела, словно искала, кого бы за ногу хватануть. Но и «краповые», и армейцы одинаково понимали опасность от близости таких челюстей и потому предпочитали держать дистанцию. Таким образом, все попытки ментовского младшего лейтенанта пустить по следу

своего пса не увенчались успехом. И он повёл собаку назад к машине. Правда, по пути она ещё раз рванула сначала в сторону армейцев, потом в сторону одного из «краповых», потом в сторону тела Алхазура. При таком выборе собаки вообще никакого конкретного вывода сделать было нельзя. А ведь по своим характеристикам препарат должен распространять запах на дистанцию до километра вокруг, и запах этот должен держаться не менее трёх суток при обязательном условии сухой погоды. Дождь оказывал на препарат скверное действие, разлагая его и сворачивая, как говорил Док Доусон. Но любая собака должна была сходить с ума от этого запаха, искать источник и с лютой ненавистью набрасываться на него. Но ничего похожего не произошло. Что-то не сработало в этот раз, хотя отлично сработало в предыдущий, когда испытание полковник Док Доусон провёл на самом себе. Нечаянно, но это всё равно было испытанием...

Поисковики совещались. Похоже, они собирались двинуться в сторону снежного наста, чтобы там поискать следы. Значит, пора было сворачивать наблюдательный пункт. Тем более ничего интересного увидеть уже было нельзя. Гойтемир убрал бинокль в чехол, чехол в карман сунул, когда подала сигнал трубка на руке. Определитель показал номер Берсанаки.

– Гойтемир, тебя обкладывают... Три человека... Не «краповые»... Срывайся... Где встретимся – знаешь... Не опаздывай... И... И выбрось sim-карту... Док требует... Он знает...

Берсанака отключился сразу, не дожидаясь ответа. Это была его обычная манера разговора, и Гойтемир давно к этому привык. И сразу начал действовать, в первую очередь опустив предохранитель автомата и только потом осмотревшись и прислушавшись. Но ничего не увидел и не услышал. Тем не менее в словах Берсанаки он не сомневался. Гайрбеков не любитель шутить, а уж шутить глупо никогда себе не позволит. И потом, Гойтемир сразу оценил обстановку. Выслеживать его могли только по его же следам. Значит, следует идти в другую сторону. И хорошо, что он миновал вершину холма и ушёл на склон. С этой стороны и следов оставить негде, и уйти можно, потому что лес здесь густой и непроглядный, совсем не такой, как со стороны, в которую велось наблюдение. И Гойтемир бесшумной тенью, пригибаясь за кустами, заскользил в сторону гущи, на ходу снимая заднюю стенку трубки, чтобы снять и выбросить sim-карту. Для чего это следовало сделать, Гойтемир не знал, но знал, что подобные приказы не повторяются, и выполнять их следует незамедлительно, и не задавать глупых вопросов...

## Глава третья

### 1

– Аврал, я потерял его... – сообщил старший прапорщик Соловейко.

– Куда смотрел? Баб здесь, кажется, не водится... – резко ответил командир группы.

– Аврал... Я смотрел в прицел. Если объект движется быстро, то прицел его легко теряет. Как и бинокль, кстати... – снайпер не собирался оправдываться. Он довольно жёстко объяснил капитану прописную истину, которую тот и без него хорошо знал.

Капитан Матроскин, в самом деле, прекрасно знал, что если объект наблюдения выходит из узкого кольца наблюдения через бинокль достаточно резко, то его легко потерять, и долго потом приходится водить окулярами туда-сюда, чтобы найти снова. А у оптического прицела круг наблюдения гораздо более конкретный и выраженный, следовательно, с прицелом потерять объект несравненно легче, а найти труднее. И чем короче дистанция, тем большие сложности могут возникнуть. А если прицел мощный, как у винтовки старшего прапорщика, то обычно проводят предварительный поиск цели с помощью бинокля и только потом уже, определив ориентиры, поднимают прицел на прямую видимость.

– А что твой хваленый тепловизор?

– Тепловизор его тоже не видит... Может, камни... Но и над камнями не «светится»... Если только за камнями глубокая яма, но яму мне не видно... Может, успел за короткое время за поворот склона уйти... Я не знаю. Я вообще могу предположить, что он решил в другую сторону двинуть. Тогда он никакого отношения к делу не имеет, и мы зря время теряем.

– Имеет... – категорично заявил Матроскин. – Это Гойтемир. Его сейчас через спутник по sim-карте отслеживают...

– Так подполковник и сообщит, где он...

– Да, придётся звонить...

Матроскин уже подошёл почти вплотную к вершине холма, где, предположительно, занял позицию Гойтемир, но предпочёл не разговаривать на месте, а сделал знак двум солдатам, его сопровождающим, чтобы остановились и занялись наблюдением, сам же спустился на три десятка метров ниже, на самый ветер, чтобы ветер относил подальше его разговор. Разговор по мобильнику тем и отличается от разговора через «подснежник», что при последнем, даже если ты шептать будешь, тебя всё равно услышат. Мобильник требовал более громких слов, чтобы тебя слышали. А разговаривать вблизи вершины было рискованно, можно было ненароком спугнуть бандита и дать ему возможность подготовиться к встрече.

Устроившись за камнем, капитан нажал кнопку вызова последнего абонента и долго слушал длинные гудки. Но подполковник Стропилин не ответил. Обычно он всегда носил трубку с собой и отвечал сразу, даже если находился дома и дело происходило ночью. Сейчас, в дневное и такое напряжённое время, должно быть, пошёл к начальству и оставил трубку на рабочем столе. Другого объяснения на ум капитану не пришло. Мог, конечно, и с собой трубку взять. Хотя тогда трубка могла бы быть просто выключена, и компьютер оператора связи предупредил бы об этом. Выждав пять минут, Матроскин повторил вызов. И опять безрезультатно. Оставалось или ждать, или идти в поиск. Однако поиск мог оказаться безрезультатным, поскольку верх холма был бесснежным, значит, следов видно не было, и если Гойтемир свернул куда-то в сторону, то следовало гадать, какое направление он выбрал. А гадание не всегда может оказаться верным.

Матроскин выглянул из-за камня, нашёл взглядом одного из своих солдат – тот залёг на удобной для наблюдения за склоном позиции и не шевелился, высматривая любое возможное



движение перед собой. Капитан именно так и учил вести наблюдение – не за всеми отдельными участками зоны ответственности, рассеивая внимание, но за движением по всей этой зоне. Движение определить легче, чем осматривать каждый куст и бугорок. И только при обнаружении движения следовало на этом движении концентрировать внимание. Всё правильно... Второго солдата вообще видно не было, следовательно, он где-то спрятался и тоже контролирует ситуацию. Наверху всё спокойно, и всё идёт своим чередом. Если Гойтемир наблюдает за действиями «краповых», он на обратном пути обязательно нарвётся на засаду. Причём обнаружит её только тогда, когда ствол автомата сильно, больно и впечатляюще ударит его в печень, как при обычной и будничной проверке документов. Только это уже будет не проверка, а жёсткое задержание. Главное, чтобы он пошёл тем же самым путём, которым пришёл сюда. Но пришёл он, надо полагать, не по собственному желанию. Гойтемира послали, а послать его могли только Берсанака Гайрбеков или Док. И возвращаться он должен не куда-то, а к ним. Правда, не все возвращаются тем же путём, каким шли. Некоторые не делают этого принципиально, чтобы никто не подкараулил их, пользуясь оставленным следом. Но, с другой стороны, если другим путём двинешь, рискуешь лишний след оставить, а лишний след – это лишняя возможность быть обнаруженным, и Гойтемир должен это тоже учитывать, поскольку он бандит опытный и не первый год в лесу проводит. Неопытный и неосторожный давно бы попался, а он вместе с Берсанакой пока неуловим.

Следующий звонок подполковнику Стропилину дал прежний результат, то есть не дал никакого результата. Тогда капитан Матроскин по «подснежнику» вызвал лейтенанта Черкашина:

- Черемша, слышишь меня?
- Да, Аврал, слышимость нормальная...
- Ты послал парней к «краповым»?
- Двоих... Они первый осмотр и проводили...
- Они меня слышат?

Последовала продолжительная пауза.

- Похоже, нет... – сказал лейтенант Черкашин. – Сопка мешает... Сдвинься по склону...
- Поработай переводчиком... Что там происходит?
- Муромец, что там у тебя? Капитан запрашивает...

Видимо, младший сержант Игумнов объяснял долго и подробно, потому что многократно слышалось лейтенантское: «Так... Так... Понял... Дальше... Так... Так... Понял... Дальше...» Игумнов, несмотря на слегка или даже не слегка грубоватую внешность, предполагающую на первый взгляд даже тупость, в жизни был парнем смекалистым и сообразительным. И Матроскин считал, что на такого вполне можно положиться. Наверное, больше чем на любого другого из солдат группы. И потому терпеливо ждал, не слыша, чтобы лейтенант Черкашин переспрашивал, и потому не имея возможности задать собственный наводящий или уточняющий вопрос.

- Аврал, они тебя не слышат... – сообщил наконец лейтенант.
- Я уже понял. Что там?

– Всё, как хотелось. Непонятно, для чего была нужна собака. Собаку привезли. След она не взяла. Может быть, применили какой-то препарат, чтобы собаку со следа сбить, и испытывали его?

– Разве мало таких препаратов? И для чего сюда везти препарат на испытания? Ненужный риск. Здесь что-то другое. Может быть, собака должна была себя повести как-то по-особенному? Попроси парней, пусть у участкового поспрашивают. Не было ли среди собак каких-то странных случаев? Что ещё?

– Сейчас пойдут сами след смотреть по снежному насту. Минуя наст, туда не пробраться. И дальше по следу двинут... Куда приведёт... Есть надежда, что собака там работать начнёт. Там след должен быть более явственный...

– Понял. Попроси участкового потормошить...

– Что подполковник?

– Не отвечает... Ещё раз попробую...

Отключив микрофон «подснежника», но оставив включёнными наушники, капитан Матроскин снова хотел было позвонить подполковнику Стропилину, только теперь уже не повтором последнего разговора, а набором номера, но после половины набранных цифр трубка в руках характерно завибрировала. Александр Алексеевич объявился сам.

– Слушаю, товарищ подполковник...

– Ты звонил...

– Да... Снайпер потерял Гойтемира из виду. Хотел спросить, где он, чтобы не нарваться сразу... Я планировал отследить его до базы, где Берсанака прячется...

– Уже поздно... – голос подполковника Стропилина не обещал ничего хорошего, и говорил он торопливо. – Берсанака увидел вас и предупредил Гойтемира. Гойтемир уходит по противоположному от тебя склону. И выбросил по требованию Гайрбекова sim-карту своей трубки. Наши сейчас пробуют поймать и Гойтемира, и Берсанаку в режиме on-line, но не знаю, что получится... Над вами облачность, и у спутника нет прямой видимости. Шансов на удачу почти нет, но парни попробуют... Ты одновременно попробуй сам преследовать... Теперь можно в открытую... Пусть снайпер включается. Разрешено работать на уничтожение... Подключай все силы. Я сейчас передам приказ начальству «краповых», их включают в операцию по полной программе. Всё прочесать, из-под земли достать...

– Понял, работаем ... – коротко ответил капитан Матроскин.

– Если будут данные, я сообщу. Не будут – ведите самостоятельный поиск... Подчинить тебе «краповых» права не имею, но они получают приказ к согласованию действий. Работай...

Резкая утрата надежды на близкий благоприятный исход всего дела и уверенности в том, что существуют чуть ли не высшие силы в лице управления космической разведки ГРУ, которые всегда помогут и подстрахуют, потому что от спутника спрятаться невозможно, явилась существенным ударом. Человека со слабыми нервами это могло бы и сломать. Но со слабыми нервами в спецназе ГРУ не служат, и капитан Матроскин своими нервами мог бы гордиться. Конечно, и он удар ощутил так, что к голове горячая волна прилила, но капитан быстро взял себя в руки. Не получилось одно – следует переориентироваться на другое и начинать всё сначала. Вернее, даже не сначала, а просто вести преследование человека, который только что был рядом, но получил небольшую фору, чтобы иметь возможность уйти. Матроскин не медлил и сразу включил микрофон «подснежника»:

– Внимание! Всем! Объект покинул зону наблюдения. Мы его не видим, спутник его не видит. Срочный поиск. Где-то в стороне сидят Берсанака с Доком. Они нас заметили и предупредили Гойтемира. Охватываем всю зону, идём веером в пределах видимости. Черемша, ты ближе всех к «краповым». Они участвуют в поиске. Согласуй с ними действия. Направление поиска – северо-запад, хотя я иду на юго-восток. Гойтемир мог уйти только в эту сторону. Работаем! Если не будет со мной связи, команду принимает Транзит. Со всеми полномочиями... Транзит, понял?

– Можешь развлекаться спокойно... – отозвался старший лейтенант Виктор.

– Мы пошли... Развлекаться... Тенор, догоняй... Осторожно, чтобы тебя не подстрелили... Они видели нас, значит, и тебя увидят...

– Они не захотят выдать своё местопребывание, – здраво рассудил снайпер. – Не стреляли в вас, не будут и в меня стрелять... Я надеюсь...

Последнее добавление было существенным. Все хорошо знали, что снайпер противника подлежит первоочередному уничтожению, как наибольшая потенциальная опасность.

– Догоняй... Но будь осторожен...

Вообще-то старшего прапорщика Соловейко следовало бы оставить в помощь остальным группам, которые займутся поиском норы самого Берсанаки. Берсанака и Док – это главное. Всё-таки, используя тепловизор оптического прицела, обнаружить нору легче. Но капитан исходил из обстоятельств и здраво рассудил, что, если Берсанака с Доком сидят в норе, они никуда не двинутся, пока вокруг бродят поисковики. Кроме того, если удастся захватить Гойтемира, то с помощью так называемого экстремального допроса можно установить месторасположение самой норы. Потому Гойтемира следовало брать в первую очередь, и брать живым. И уже от его показаний плясать дальше. И потому снайпер мог оказаться необходимым именно в этом поиске больше, чем в другом.

Солдаты, что дожидались приказа капитана, замерли на своих местах. Понимая, что сейчас уже маскировка не настолько важна, насколько важна скорость действий, Матроскин двинулся в их сторону в открытую, даже не пытаясь прятаться и пригибаться за кустами. Более того, он тешил себя надеждой, что Гойтемир не ушёл далеко, а где-то здесь, рядом, дожидается активизации действий преследователей, чтобы встретить их несколькими очередями. И капитан умышленно вызывал в этот момент огонь на себя, надеясь, что выстрел последует в грудь и бронежилет выдержит удар пули. Но таким выстрелом Гойтемир выдал бы себя. И даже при том, что командир обязательно упадёт от такого выстрела, солдаты не бросятся оказать ему помощь, потому что они будут ждать появления бандита в зоне видимости их прицелов. Парни обучены достаточно хорошо, Матроскин сам на занятиях по боевой подготовке многократно задевал непосредственно эту самую тему, и солдаты, не зная, жив командир или убит, ранен или просто умышленно разыгрывает раненого, останутся в засаде.

Но встречного выстрела не последовало. Капитан обошёл одного из солдат, чуть не наступил на второго и выбрался на вершину холма. Местность с трёх сторон просматривалась достаточно хорошо, и только один из склонов был практически закрыт для обзора, и сомневаться не приходилось – Гойтемир двинулся именно в эту сторону. Трудность состояла только в том, чтобы вычислить конкретное направление, потому что заросли кустов и молодых деревьев чем дальше вниз, тем сильнее расширялись до самого соединения со вторым, соседним холмом, более низким и полностью покрытым лесом. Правда, было и другое осложнение. Эта сторона холма была южной. Следовательно, несмотря на густоту зарослей, снег здесь стоял в первую очередь, и следы искать трудно. Но искать их надо, и найти надо как можно быстрее.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.